

ЛОРЕН ОЛИВЕР

РЕПЛИКА

***Две девочки. Две истории.
Одна судьба?***

Каждая из них живет в своей тюрьме,
и каждая из них мечтает о побеге.

like
book
read it. like it

• ЛИРА •

Лорен Оливер

Реплика

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Оливер Л.

Реплика / Л. Оливер — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-04-089274-7

Лира. Реплика. Клон. Модель под номером 24. Пленница института Хэвен, расположенного на небольшом острове рядом с побережьем Флориды. Здесь, как на фабрике, поточно производят клонов для дальнейших экспериментов. Джемма. Больна с рождения. 16 лет. Одинока. Дразнят в школе. Отец Джеммы – один из основателей крупной фармацевтической компании, финансирующей Хэвен. Ее жизнь предсказуемо проходит между больницей, домом и школой. После прорыва безопасности Лире и другому клону с номером 72 удастся бежать из Хэвена и затаиться на болотах. Случайно беглецы столкнутся с Джеммой и ее ровесником Джейком, наоборот, пытающимися попасть внутрь Хэвена. Джемма ищет в Хэвене отгадки к тайнам прошлого своей семьи. Лира ищет в Хэвене отгадки к своему будущему. Доберутся ли они вместе до истины?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-089274-7

© Оливер Л., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Лира	6
От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	36
Глава 9	46
Глава 10	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Лорен Оливер Реплика

Lauren Oliver

Replica

Copyright © 2016 by Lauren Oliver

© О. Степашкина, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“»,

2017

Ли́ра

Посвящается моей сестре Лиззи

От автора

Хотя во многих случаях, с точки зрения Джеммы и Лиры, их разговоры будут выглядеть одинаково, вы можете обнаружить некоторые отличия в интонациях и темпе. Это сделано намеренно, чтобы отразить разницу в восприятии персонажей. Джемма и Лира абсолютно уникальны, а из их общения и прочих коммуникативных актов складывается неповторимый личный опыт каждой, что и создает вышеупомянутые отличия: так наблюдение за объектом мгновенно изменяет его собственное поведение.

Кроме того, незначительные различия в повести отражают точку зрения, согласно которой объективного опыта не существует. Каждый воспринимает все сугубо индивидуально: это может засвидетельствовать всякий, кому доводилось спорить с любимым человеком. И потому мы сами создаем свой жизненный опыт. Похоже, что истина во многом подобна вымыслу.

Глава 1

По ночам, когда очень тихо, мы слышим, как они скандируют, требуя нашей смерти. Мы можем видеть их или, по крайней мере, способны различить ореол света над берегом Бэрел-Ки, где они, должно быть, частенько собираются. Они глазают на черную воду, которая плещется возле забора, и смотрят на угловатый белый фасад института Хэвен. Издалека это место, наверное, смахивает на длинную зеленую челюсть с мелкими острыми зубами.

Чудовища – так они нас называют. Демоны.

Иногда бессонными ночами мы думаем: а если они правы?

Лира проснулась с ощущением, будто кто-то сидит у нее на груди. Лишь потом Лира осознала, что ее донимает вязкая и удушающая жара, которая буквально придавила ее к кровати своей невидимой рукой.

Электричества не было.

Что-то случилось. Кричали люди. Хлопали двери. В коридорах гулко разносились шаги. В окно Лира увидела, как по двору мечутся лучи фонариков: они выхватывали из темноты серебристые капли дождя и озаряли безжизненно белую статую человека, тянущегося к земле словно в попытке что-то вырвать из почвы прямо с корнем. Остальные реплики тоже загомонили. В спальне зазвучали хриплые спросонья голоса. Ночью легче разговаривать – меньше шикающих медсестер.

– Что стряслось?

– Что такое?

– Тихо! – рявкнула Кассиопея. – Я слушаю.

Дверь из коридора распахнулась с такой силой, что врезалась в стену. Лиру ослепила вспышка света.

– Все здесь? – спросил вроде бы доктор Запах Кофе.

– Кажется, да! – пронзительно и испуганно ответила медсестра Даже-и-не-думай.

Ее лица не было видно из-за фонарика. Лира разглядела только длинный подол ночной рубашки и босые ноги.

– Пересчитайте!

– Мы тут, – заявила Кассиопея. Кто-то ахнул. Но Кассиопея никогда не боялась разговаривать. – Что происходит?

– Вероятно, кто-то из самцов, – произнес доктор Запах Кофе. Лира сообразила, что он обратился к медсестре Даже-и-не-думай, которую на самом деле звали Максин. – Кто проверяет самцов?

– Что происходит? – повторила Кассиопея.

Лира поймала себя на том, что трогает подоконник, подушку, переднюю спинку кровати с ее личным номером.

Она – номер Двадцать Четыре.

Это ее вещи. Ее мир.

И внезапно до реплик долетел ответ: пронзительные повторяющиеся вопли.

– Черный код! Черный код! Черный код!

В тот же самый миг заработал запасной генератор. Включилось электричество, а затем и охранная сигнализация. Взыли сирены.

Все зажмурились от яркого света.

Но Лира каким-то чудом успела увидеть, что медсестра Даже-и-не-думай вскинула руку и попятилась.

– Оставайтесь на месте, – велел доктор Запах Кофе.

Ли́ра не поняла, кому он отдал приказ – медсестре Даже-и-не-думай или репликам. Так или иначе, выбор невелик. Доктор Запах Кофе принялся возиться с кодовым замком и в конце концов выбрался в коридор. Медсестра Даже-и-не-думай стояла, прижавшись спиной к закрытой двери. Ее била крупная дрожь. Наверное, она решила, что в любое мгновение девушки могут кинуться на нее и растерзать. Ее фонарик, померкший в свете ламп, отбрасывал молочно-белый круг на керамические плитки пола.

– Неблагодарный, – буркнула она и тоже убралась восвояси.

Но девушки могли видеть ее через окна, выходящие в коридор: медсестра расхаживала взад и вперед, время от времени трогая нательный крестик.

– Что такое «черный код»? – спросила Роза, подтянув колени к груди.

Они уже подзабыли свои «звездные» имена, поскольку доктор О’Доннел – единственный сотрудник, которого Ли́ра не награждала прозвищем, – давно покинула Хэвен. Зато теперь реплики выбирали себе другие имена среди известных им словечек – те, что показались им красивыми или интересными. Так появились Роза, Пальмолив и Приват, Сиреневый Родник, Прилив и даже Вилка.

Как обычно, ответ знала Кассиопея – самая старшая из них, если не считать Ли́ру.

– Черный код означает прорыв системы безопасности, – объяснила она. – Думаю, кто-то сбежал.

Глава 2

Че-ло-век. Самое первое слово, которое узнала Лира, звучало именно так.

Люди были двух видов. На вершине стояли естественнорожденные – женщины и мужчины, девушки и парни, как врачи и персонал, ученые, охранники и сотрудники спецслужб (последние иногда инспектировали Еловый остров и его обитателей).

А на нижней ступени сгрудились модели человека. К ним относились самцы и самки. Сперва их создавали в лабораториях, а потом переносили в утробы суррогатных, которые обитали в бараках и не знали английского. Порой реплик называли клонами. Лира понимала, что «клон» – нечто плохое, оскорбительное, хоть она и не знала, почему.

В общем, в Хэвене их окрестили репликами.

Так или иначе, но второе слово, которое выучила Лира, было несложным.

– М-о-д-е-л-ь. – Лира проговорила его по буквам, легонько выдыхая сквозь зубы, как учила доктор О’Доннел.

– М-о-д-е-л-ь, – опять прошелестела Лира. – Номер двадцать четыре, – добавила она после паузы.

Возможно, так начинался отчет, посвященный ей, Лире.

– Как ты себя сегодня чувствуешь? – осведомилась медсестра Свинопас.

Лира дала ей прозвище месяц назад. Она и не представляла, что такое свинопас, но слышала, как медсестра Рейчел ворчала: «Иногда я предпочла бы работать свинопасом».

Лире пришлось по душе это выражение.

– Суматошная выдалась ночь, верно? – Как обычно, медсестра не ждала ответа и заставила Лиру лечь на диагностический стол, а оттуда уже нельзя было рассмотреть папку с бумагами.

Лира ощутила вспышку гнева, как внезапный взрыв в мозгу. Не то чтобы отчет был ей интересен. Она не имела особого желания узнать про себя дополнительную информацию, выяснить, почему она больна и можно ли ее вылечить. Она понимала – правда, в общих чертах, из намеков или подслушанных разговоров, – что в процессе до сих пор бывают сбои. Реплики рождались генетически идентичными исходному биоматериалу, но вскоре начинались разнообразные медицинские проблемы: органы не функционировали должным образом, клетки тканей не регенерировали, легкие схлопывались. Становясь старше, реплики переставали владеть собой, забывали свой родной язык, вечно плакали и легко впадали в замешательство. Некоторые даже прекращали благополучно развиваться. Они оставались щуплыми и низкорослыми. Они разбивали головы об пол, а когда приходили Агенты, истерично просили, чтобы их забрали. Хорошо хоть, Бог несколько лет назад распорядился, чтобы новейшие генерационные культуры держали их на руках и возились с ними не менее двух часов в сутки. Было высказано предположение, что контакт с людьми или с себе подобными позволяет им дольше оставаться здоровыми. Лира и другие реплики постарше поочередно возились с ними, щекотали их толстенные ножки и пытались рассмешить.

Лира полюбила чтение в тот краткий восхитительный период, когда в Хэвене работала доктор О’Доннел. Лира считала эти месяцы лучшими в своей жизни. Когда Лира читала, в ее голове буквально распахивались окошки, и через них проникал свет, свежий воздух и видения иных мест, иных жизней, просто иных, и точка. В Хэвене имелись лишь научные монографии, методические брошюры и анатомические атласы, они оказались чересчур трудными и пестрели терминами, которые Лира не могла выговорить вслух. Но она читала медицинские карточки, когда их оставляли без присмотра. И журналы, которые медсестры бросали в комнате отдыха.

Продолжая болтать, медсестра Свинопас измерила Лире давление и сунула девушке под язык электронный термометр. Лира хорошо относилась к тонометру и термометру. Ей нравилось, как манжета тонометра сжимается на ее плече, подобно руке, ведущей ее куда-то вперед. Ее успокаивало пиканье термометра и умиротворяло, когда медсестра Свинопас говорила: «Совершенно нормально».

Медсестра добавила:

– Не возьму в толк, о чем оно думало, когда убегало. Глубокий вдох. Хорошо. Теперь выдохни. Оно ведь утонет, как только сунется в воду! Ты слышала, какой вчера ночью был прибор? Как гром! Удивительно, что тело еще не выбросило обратно!

Лира сообразила, что от нее опять не ждут ответа. Однажды она ответила на бодрый вопрос медсестры Свинопас: «Как мы себя чувствуем?». Женщина испугалась, выронила шприц – Лира ненавидела иглы и не желала давать им имена, – и пришлось начинать процедуру заново. Но она задумалась: а каково это – наткнуться на берегу на мертвое тело? Лира не боялась трупов. Она сотни раз видела, как реплики болели и умирали.

Например, Желтые умерли почти одновременно – все они были младше года.

«Случайность», – заявили врачи. Лихорадка.

Лира наблюдала за тем, как их тела заворачивали и готовили к отправке.

Одна Фиолетовая из седьмой культуры – кажется, номер Триста Тридцать Три – перестала есть. Когда ее начали кормить через зонд, было уже поздно. А номер Пятьсот Один проглотила упаковку снотворного после того, как исчезла медсестра Эм, которая всегда помогала ей брить голову и аккуратно обращалась со станком. Номер Четыреста Двадцать Один умерла неожиданно, во сне. Именно Лира тогда тронула ее за руку, чтобы разбудить, и поняла, по странному пластиковому холоду ее ладони, что та мертва. Странно, что жизнь в одно мгновение улечивается, уходит, оставляя только кожу да кости, груды плоти.

Но ведь они и являются телами. Людями и одновременно не людьми. Лира гадала, почему так сложилось. Выглядела она, по ее мнению, как нормальный человек. И другие реплики-самки – тоже. Их ведь сделали из стандартных людей и даже родили от них же.

Однако именно такой способ создания и превратил их в меченых.

Так твердили все до единого. Кроме доктора О’Доннел.

Лира была совсем не против присмотреться к самцам, но их держали отдельно от самок – даже мертвых, когда заворачивали их трупы в брезент и увозили с острова. Самцы вызывали у Лире любопытство. Она изучала их анатомию в медицинских пособиях, пытаясь хоть в чем-то разобраться, и пристально разглядывала изображения женских и мужских репродуктивных органов, которые, похоже, обозначали важнейшее различие между ними, но даже не представляла, как в реальности выглядят самцы. Единственными мужчинами, которых она видела, были врачи, медбратья, охранники и прочие работники Хэвена.

– Отлично. Почти готово. Теперь иди сюда и встань на весы.

Лира приподнялась и слезла со стола в надежде еще разок взглянуть на карточку с ее чудесными, стройными надписями, марширующими по бумаге, как солдаты. Но медсестра Свинопас цапнула папку-планшет и принялась записывать свежие данные Лире. Не выпуская планшет, она одной рукой умело отрегулировала весы и подождала, пока стрелка перестанет дрожать.

– Хм. – Медсестра нахмурилась, и ее морщинки между бровями стали глубже и сошлись воедино.

Когда Лира была еще совсем маленькой, она заявила, что поняла, в чем разница между людьми и репликами. Люди старые, а реплики молодые. Медсестра, которая тогда купала ее – она проработала здесь недолго, и Лира давно забыла ее имя, – расхохоталась. Эта история молниеносно разлетелась среди медперсонала и врачей.

– Ты теряешь вес, – проворчала медсестра Свинопас и поцокала языком. – Как у тебя с аппетитом?

Лишь через пару секунд Лира сообразила, что на вопрос медсестры Свинопас ей полагается ответить.

– Хорошо.

– Тошноты нет? Колик? Рвоты?

Лира покачала головой.

– Проблем со зрением? Помутнений сознания?

Лира продолжала мотать головой, поскольку врать она не очень-то и умела. Две недели назад ее рвало так, что весь следующий день ныли ребра. Вчера ее стошнило в наволочку – Лира надеялась, что ткань поможет заглушить звуки. К счастью, ей удалось тайком присокупить наволочку к мусору, который вывозили на катерах по воскресеньям (отходы сжигали, а может, выбрасывали в море или еще как-то от них избавлялись). Учитывая шторм, упущение охраны и теперь-вероятно-мертвого самца, Лира была уверена, что никто не заметит пропажу.

Но самым худшим стало другое! Не далее как вчера она заблудилась на пути к спальням. Что за нелепость! Лира выучила наизусть каждый дюйм крыла D – от палаты ухода за новорожденными и до палаты невральных обследований, от огромных спален на сто самок-реплик и до уборных с десятками прикрепленных к стенам душевых шлангов, раковины вроде корыта и десятью туалетными кабинками. Но она, вероятно, повернула направо, а не налево, когда вышла из уборной, и в результате очутилась перед запертой дверью, ведущей в крыло C.

Лира растерянно тарасилась на створку, пока ее не окликнул охранник – и лишь тогда она вернулась в реальность.

Но сейчас она помалкивала. Лира не хотела попасть в Коробку. Так называли крыло G. Кстати, к этому крылу прикрепилось и другое название: Похоронное Бюро: ведь, как ни крути, а половина вошедших туда реплик никогда не возвращались обратно.

– Ладно, ступай, – вымолвила медсестра Свинопас. – Если почувствуешь себя неважно, скажешь мне, ладно?

Лира поняла, что на сей раз от нее точно не ждут ответа. Значит, не придется никому говорить, что рвота продолжается. Да, в принципе, и незачем – ведь на потолке установлены Стеклянные Глаза. Лира толком не знала, нравятся ей Стеклянные Глаза или нет. Иногда нравились, когда скандирование с Бэрел-Ки делалось особенно громким, и Лира думала, что камеры помогают держать ее в безопасности. Иногда же, когда ей хотелось скрыть плохое самочувствие, Лира ненавидела недремлющие линзы, фиксирующие каждое ее движение. В том и заключалась проблема: никогда не угадаешь, в какую сторону пялятся Стеклянные Глаза.

Но она покорно кивнула. У Леры был план, и ей следовало прикинуться паинькой. По крайней мере, еще на некоторое время.

Глава 3

Три дня спустя тело самца номер Семьдесят Два так и не выбросило на берег, невзирая на предсказания медперсонала. На следующее утро после мусорного дня за завтраком Лира подслушала болтовню медсестер.

Даже-и-не-думай покачала головой и заявила, что до него, мол, добрались аллигаторы, она в этом ни капельки не сомневается. А если самец и доплыл до материка, добавила она, его, конечно, застрелили без предупреждения – там же на много миль вокруг одни психи и преступники.

– И теперь сюда едут эти люди, – проворчала она и поджала губы.

Все медсестры называли Агентов «эти люди».

Лира видела их судно в отдалении, когда брела на завтрак: стройная моторизированная шхуна ничем не напоминала потрепанную баржу, которая доставляла на остров припасы, вывозила отходы и выглядела так, словно чайная ложка воды ее утопит. Лира не знала, кто такие Агенты, чем они занимаются и почему приезжают в Хэвен. За прошедшие годы ей пару-тройку раз довелось что-то слышать о военных, но Агенты, естественно, не походили на солдат. Во всяком случае, на тех, кого она иногда видела по телевизору медсестер. Они не носили ни одинаковую форменную одежду, ни камуфляж. И оружия у них не имелось, как, к примеру, у охранников.

Когда Лира была помладше, Агенты заставляли ее нервничать, особенно когда реплик заставляли выстроиться для проверки. Агенты открывали ей рот, чтобы посмотреть на зубы. Они просили ее улыбнуться, повернуться вокруг своей оси или хлопнуть в ладоши по команде. Наверное, они изучали физическое состояние каждой реплики.

И Лире приходилось показывать и доказывать, что она не идиотка – она же благополучно развивается, способна пошевелить пальцами и даже может водить глазами слева направо.

Впрочем, проверки давным-давно прекратились. Теперь Агенты приезжали, проносились по всем крыльям, от административного до Коробки, общались с Богом, а потом возвращались на материк на своем судне.

Однажды Лира обнаружила, что они практически не вызывают у нее интереса. Они принадлежали к другому миру. С таким же успехом это могли быть мухи, которые садятся на стену и сразу улетают прочь. Они не имели для Лире никакого значения, в отличие от электронного термометра, ее кровати, подоконника и смыслов, скрытых в иероглифах слов.

А сегодня ей было наплевать и на Агентов, и на загадочное исчезновение номера Семьдесят Два. После мусорного дня начинался понедельник, что означало тестирование мозгов, выговор от Ленивой Кормы и ее, Лире, последний шанс на этой неделе.

Лира не помнила, когда у нее впервые зародилась идея тайком пробраться в административное крыло. Вероятно, все было как-то связано с доктором О'Доннел. Доктор О'Доннел приехала в Хэвен шесть или семь лет назад, это случилось еще до того, как у Лире начались месячные. («Надо же, менструация», – пробурчала Даже-и-не-думай и в редком приливе великодушия продемонстрировала Лире, как отстирывать белье в холодной воде. «Кровотечение – ты будто об огнестрельном ранении говоришь», – бормотала она в тот момент.)

Доктор О'Доннел оказалась самой красивой в Хэвене – если не считать Кассиопеи и номеров с Седьмого по Десятый, четырех реплик одного генотипа, полностью идентичных физически.

Странно, но доктор О'Доннел, похоже, не испытывала неприязни к репликам: а ведь этим славились и врачи, и медсестры! Она заходила в спальни даже не в свое дежурство и

задавала им вопросы. Она стала первой, кто за всю жизнь Лире задал ей настоящий вопрос, а не какой-то очередной из разряда «здесь болит?» или «как у тебя с аппетитом?».

Доктор О'Доннел действительно ждала ответа и охотно смеялась, особенно над тем, во что верили реплики – вроде того, что мир размером примерно с пять-шесть Хэвенов или что у естественнорожденных людей отцы ни для чего не нужны.

Она учила их играть в ладушки и пела им высоким, чистым голосом.

Доктор О'Доннел была потрясена, обнаружив, что в Хэвене нет библиотеки – только медицинские учебники, которые держали в комнате странной формы, невесть для чего устроенной (иногда их использовали в качестве справочников). Еще в Хэвене была Библия, которую Даже-и-не-думай повсюду таскала с собой и периодически била ею тех, кто не слушался ее или был чересчур скудоумен, чтобы выполнять ее указания.

Время от времени доктор О'Доннел покидала остров, зато возвращалась она всегда с новыми книжками в сумке. Воскресными вечерами она приходила в спальню и читала им вслух. Сперва это были простенькие издания с картинками. Потом – книги потолще, с мелким шрифтом. Они так и кишели буквами, и у Лире от взгляда на страницы начинала кружиться голова.

Несколько десятков реплик собирались вокруг доктора, чтобы послушать эти истории: после отбоя они шепотом пересказывали их другим, зачастую что-то додумывая или смешивая детали. Джек и Бобовый стебель, доросший до страны Оз. Лев, Колдунья и дружеский великан. Это было столь огромным контрастом со скукой, с малостью их мирка! Пять крыльев, ну шесть, считая Коробку. Почти все двери закрыты. Хэвен окружен водой. Половина реплик слишком тупы, чтобы разговаривать, четверть – больны, а остальные – раздражительные и буйные.

Деваться некуда.

Никуда и не вырвешься.

А для Лире случившееся имело совершенно иное значение. Она влюбилась, хотя ничего даже не осознавала и никогда не думала о своих чувствах и эмоциях. Она не понимала, что вообще означает любовь, да и в Хэвене никогда не произносили это слово. Под воздействием голоса доктора О'Доннел и ее тонких веснушчатых пальцев, которые мерно переворачивали страницы, почти погребенная часть ее сознания пробудилась, зашевелилась и раскрылась.

Доктор О'Доннел рассказала им про названия созвездий и звезд – Геракл и Лира, Кассиопея и Венера, Большая и Малая Медведицы. Именно она объяснила репликам, что звезды – это шары раскаленного добела газа диаметром в сотни сотен миль, расположенные в невообразимой дали.

Лира во всех деталях запомнила один из таких вечеров. Она сидела на кровати и слушала, как доктор О'Доннел читает одну из ее любимых книг, «Баю-баюшки, Луна»¹.

Внезапно Кассиопея – которая в то время была лишь Шестым номером – заговорила. – Я хочу имя, как у звезды! – выпалила она.

Лира впала в замешательство. Она-то считала, что Шестая и есть настоящее имя Кассиопеи, так же как и Двадцать четвертая модель – ее собственное.

Доктор О'Доннел встала и неторопливо прошла по спальне.

– Ты – Кассиопея, – произнесла она. – А ты – Медведица. Венера. Каллиопа.

Каллиопа, бывшая Седьмая и самая противная из генотипических копий Кассиопеи, хихикнула. Взгляд доктора О'Доннел упал на Лире.

– Лира, – сказала доктор О'Доннел, и ту словно ударило током, будто обожгло.

---

¹ Книга американской детской писательницы Маргарет Уайз Браун (1910–1952). (Здесь и далее – *прим. ред.*)

Когда Лира опомнилась, то она ощутила нечто вроде вдохновения и принялась давать имена и названия всему, что она видела в Хэвене. Реплики называли крыло G Коробкой, но Лира сама придумала Похоронное Бюро. Столовую она нарекла Кастрюлей, а крыло C, где держали реплик-самцов, – Потайной Долиной. Камеры слежения, наблюдавшие за ней повсюду, стали Стеклянными Глазами, а тонометр – Пожималкой. Медсестры и доктора тоже оказались вовлечены в процесс, по крайней мере те, кого она видела регулярно. Лира не могла придумать прозвища ученым и беременным, поскольку практически никогда их не видела, но назвала бараки для рожениц Фабрикой. Это было логично, ведь именно оттуда и появились модели людей, которых позже переводили в послеродовое отделение, а затем и в спальни, чтобы выжившими занимались как минимум два часа в день.

Доктора Саперштейна Лира назвала Богом. Он контролировал Хэвен целиком и полностью.

Пока чтения продолжались, Лира всегда старалась сесть рядом с доктором О’Доннел, почти укладывая голову ей на колени. Пока доктор О’Доннел читала, Лира пыталась разобрататься в дурманящей массе закорючек, привязать звуки к буквам. От сосредоточенности у нее начинали болеть глазные яблоки.

Как-то раз ей показалось, что доктор О’Доннел начала читать медленнее. Другие реплики ничего не заметили, но Лира сразу почувствовала нутром промежутки между словами и поняла, как они натываются на край-букву, прежде чем перепрыгнуть через очередной маленький белый промежуток на бумаге. Правда, сперва Лира предположила, что ей это померещилось. Но когда доктор О’Доннел стала водить пальцем вдоль строчек, постукивая по загадочным точкам и черточкам или приостанавливаясь перед особенно запутанным словечком, Лира поняла, что нет, ничегошеньки ей не мерещится.

Доктор О’Доннел пыталась помочь Лире читать.

И постепенно – так настраивают микроскоп, увеличивая разрешение, – словосочетания и фразы начали освобождаться из загадочных чернильных пятен на странице и внезапно раскрылись пониманию Лире.

И. Я. Пошла.

Но чудо не могло длиться долго. Лире следовало бы догадаться об этом, но она, конечно, не сообразила.

Она совсем недавно получила имя. Она фактически родилась во второй раз. Она мало что понимала.

Однажды воскресным вечером доктор О’Доннел не появилась в спальне. Девчонки прождали ее около часа, а когда Кассиопее надоело маяться и бездельничать, она заявила, что собирается погулять по берегу за крылом A и попробовать набрать ракушек. Хотя подобные развлечения были категорически запрещены, Кассиопея входила в число тех немногих реплик, которые любили рисковать. Порой Лира составляла ей компанию, но сама она боялась моря – из-за историй, которыми медсестры делились друг с дружкой: про акул-людоедов в заливе Уоли, про аллигаторов и ядовитых змей в болотах.

День выдался чудесный, не слишком жаркий, и пушистые облака важно уплывали вдаль. Но Лире не хотелось наружу. Лира мечтала лишь об одном: сидеть на полу рядом с доктором О’Доннел, вдыхать запах антисептика и лимонного лосьона, исходящий от ее кожи, и смотреть на волокна бумаги, которые взмывали в воздух, когда доктор О’Доннел переворачивала страницу.

Лире посетила ужасная мысль: доктор О’Доннел заболела! Она никогда не пропустила ни единого воскресенья, и Лира отказывалась верить, что доктору О’Доннел надоело проводить с ними вечера. Нет, она, Лира, вовсе не скучная! Она – не дефектная и не тупая для доктора О’Доннел.

Забыв, что она ненавидит Коробку и всякий раз задерживает дыхание, когда ей доводится проходить хотя бы в пятидесяти футах от дверей с красными полосами, Лира помчалась туда. Она не могла объяснить, почему ею овладела паника.

Это чувство было сродни тому, когда просыпаешься посреди ночи в темноте и не понимаешь, где ты находишься.

Лира почти добралась до крыла С, когда услышала сердитые голоса. Один из них принадлежал доктору О'Доннел. Лира быстро юркнула в нишу. Она слышала доктора О'Доннел и Бога, ссорящихся в пустой лаборатории, и даже могла за ними наблюдать: дверь оказалась приоткрыта.

Лира замерла. Голоса Бога и доктора О'Доннел гулко разносились по коридору.

– Я нанял вас, – вещал Бог, – чтобы вы выполняли свою работу, а не играли в чертову мать Терезу!

Он поднял руку, и Лира испугалась, что он ударит доктора О'Доннел. Она увидела, что Бог держит старую, потрепанную книжку – «Маленького принца», – которую доктор О'Доннел читала им.

– Разве вы не понимаете? – произнесла доктор О'Доннел с пылающим лицом. Ее веснушки исчезли. – То, что мы делаем... Разве они не заслуживают немного счастья? Вы же сами говорили, что они лучше функционируют, если получают чуть-чуть заботы.

– Стимуляция и прикосновения. А не еженедельные чтения! – Бог хлопнул книгой по столу, и Лира вздрогнула. – Мы не филантропы, – вздохнул Бог. – Мы – ученые, Кэт. А они – исследуемые объекты. И точка.

Доктор О'Доннел вскинула голову, и пряди ее волос выбились из хвоста. Если бы Лира знала слово «любовь», если бы она действительно понимала его смысл, она поняла бы сейчас, что любит доктора О'Доннел.

– Мы можем обращаться с ними, как с обычными людьми, – тихо возразила доктор О'Доннел.

Но Бог уже двинулся к двери. Лира увидела его густые черные брови, аккуратно подстриженную бородку, глаза, посаженные так глубоко, будто их вдавило в череп. Внезапно он напрягся и резко развернулся.

– Ошибаетесь, – отчеканил он. Его голос был холоден, как прикосновение Стального Уха, когда оно скользило под рубашкой Лире, слушая удары ее сердца. – Что дальше? Уж не собираетесь ли вы учить подопытных крыс играть в шахматы?

Перед тем как покинуть Хэвен, доктор О'Доннел подарила Лире «Маленького принца».

Лира не сомневалась, что доктор О'Доннел плакала.

– Будь осторожна и прячь книгу, – прошептала Доктор О'Доннел и на секунду прикоснулась к щеке Лире.

После отъезда доктора О'Доннел она легла спать. А на следующий день ее подушка пахла антисептиком и лимонным лосьоном, совсем как пальцы доктора О'Доннел.

Глава 4

Оценка когнитивных функций проводилась в просторном кабинете в крыле D, где вечно гуляли сквозняки. Раньше здесь держали клетки с кроликами, и в помещении до сих пор чувствовался слабый запах сухого корма и мочи. Лира не знала, что случилось с кроликами. Хэвен был огромным, и многие комнаты были запретны для посещения, поэтому Лира решила, что клетки с животными куда-то перенесли. Или, может, кролики не сумели развиваться нормально, как многие реплики.

Оценка когнитивных функций каждую неделю менялась. Репликам могли велеть на скорость собирать мелкие скользкие булавки, пытаться сложить трехмерный пазл или пройти по нарисованному лабиринту.

Реплик-самок – все девятьсот шестьдесят – в тот день в ходе оценки разделили на группы по цвету, по сорок штук. Сиреневый Ручей уже вышла из Коробки и теперь сидела возле Леры. Сиреневый Ручей взяла себе имя после какой-то рекламы по телевизору медсестер. Даже после того, как медсестры истерически расхохотались и объяснили репликам, что это женская спринцовка (а заодно – и для чего она нужна), Сиреневый Ручей отказалась менять имя. Она твердила, что ей нравится, как оно звучит.

– Ты неважно выглядишь, – бросила Сиреневый Ручей, покосившись на Леру.

Сиреневый Ручей мало разговаривала. Она была одной из самых медлительных реплик. Ей до сих пор помогали одеваться, и она так и не научилась элементарным вещам.

– Ты болеешь? – спросила она.

Лира покачала головой, упрямо уставившись в стол. Ночью ее рвало, а затем у нее чудовищно кружилась голова, и она минут двадцать просидела на унитазе, пока ее не застучала Кассиопея. Но Лира не думала, что Кассиопея расскажет и выдаст ее. Кассиопея всегда влетало – за то, что она не съела ужин и за ее болтовню, а еще за то, что она пялилась на самцов и пыталась общаться с ними в тех редких случаях, когда они сталкивались в коридоре, в Коробке или в Кастрюле.

– А я болею, – сообщила Сиреневый Ручей. Она говорила очень громко, и Лира машинально посмотрела на Стекланные Глаза, хотя и была осведомлена о том, что камеры не фиксируют звуки. – Меня отправили в Коробку.

У Леры не было друзей в Хэвене. Она не знала, что такое друг. Но она подумала, что расстроилась бы, если бы Сиреневый Ручей умерла. Лире исполнилось пять лет, когда Сиреневый Ручей появилась на свет – и она еще не забыла, что после того, как Сиреневый Ручей родилась и ее перевели в послеродовое отделение, она била розовыми ножками и размахивала кулачками, словно танцевала.

Но сейчас она и впрямь выглядела неважно. С Коричневыми что-то творилось, и врачи в Коробке не могли прекратить мор. За последние четыре месяца умерло пять Коричневых, четыре самки и самец номер Триста Двенадцать. Двое из них скончались ночью. Медсестры нацепили плотные перчатки и маски и увязали тела в один тюк из непромокаемого брезента, чтобы трупы увезли с острова.

Лира заметила, что у Сиреневого Ручья кожа все еще была красной и блестящей, как бывает, когда на теле вскочат волдыри. Ее волосы, коротко подстриженные, как и у других реплик, стали клочковатыми и редкими: местами сквозь них просвечивала кожа.

– Все не слишком плохо, – подытожила Сиреневый Ручей, хотя Лира ей и не отвечала. – Пальмолив выжила.

Пальмолив тоже была Коричневой. Ее начало рвать пару недель назад, а потом ее обнаружили ночью бродящей по коридорам. Пальмолив перевели в Коробку, когда ситуация совсем ухудшилась и даже глоток воды вызывал у реплики сильнейшие рвотные позывы.

– Как думаешь, я скоро умру? – неожиданно спросила Сиреневый Ручей.

К счастью, явились медсестры, и Лире не пришлось ей отвечать. Помогали при проверке Ленивая Корма и Вот Те На. Оценку когнитивных способностей почти всегда проводили они, однако Лира опасалась, как бы сегодня на их месте не оказался кто-то другой.

Сегодня репликам следовало выполнить три теста. Всякий раз, как сердце Лире начинало биться чаще, она представляла себе все четыре его клапана, открывающиеся и закрывающиеся, как ставни – поток крови, всегда текущий в одну сторону, бесконечную петлю наподобие переплетающихся крыльев Хэвена. Про сердце она узнала так же, как и про остальные части человеческого организма: потому что больше нечего было изучать. В Хэвене не имелось ничего достоверного, кроме медицины – ничего, кроме боли и отклика на нее, симптома и лечения, вдоха и выдоха и кожи поверх мышц и костей.

Сперва медсестра Вот Те На проговаривала последовательность из пяти букв и требовала, чтобы реплики их запомнили. Потом им приказали разложить листочки цветной бумаги так, чтобы получился ровный переход от зеленого к желтому. Затем нужно было вставлять деревянные фигурки в отверстия соответствующей формы – просто смехотворный тест! Но Сиреневый Ручей справилась с ним с трудом – она пыталась всунуть ромб в треугольное отверстие, постоянно роняла детальки, и они с громким стуком падали на пол.

Для последнего теста Вот Те На раздала им бумагу и ручки (Лира украдкой сунула ручку в рот, наслаждаясь вкусом чернил: ей безумно захотелось присвоить этот экземпляр для своей коллекции) и велела репликам записать по порядку пять букв, которые они должны были заранее запомнить.

В основном реплик обучили алфавиту и заставили выучивать свои номера, чтобы они могли опознавать собственные кровати и использовать простую информацию для тестирования... Ну а Лире ужасно нравилось выводить изгибы и уголки каждой цифры по очереди, представляя, что цифры тоже являются особым языком.

А когда она подняла голову, то обнаружила, что листок Сиреневого Ручья по-прежнему чист. Сиреневый Ручей неуклюже держала ручку и непонимающе хлопала глазами. Что за странность!

Лира точно знала, что Сиреневый Ручей давно выучила буквы своего имени и очень этим гордилась.

Наконец Ленивая Корма объявила, что время истекло. Медсестра Вот Те На собрала листочки, а они молча сидели, пока результаты собирали, подсчитывали и заносили в их личные дела. У Лире вспотели ладони. Вот сейчас...

– Я забыла буквы, – выдавила Сиреневый Ручей. – Я ничего не могу вспомнить.

– Ладно, уже все.

Ленивая Корма поднялась со стула – скривившись, как всегда после тестирования. Реплики последовали ее примеру. И только Лира осталась сидеть. Сердце в ее груди сжималось и разжималось.

Как обычно, стоило лишь Ленивой Корме встать, и она тотчас же принялась жаловаться.

– Проклятые туфли. Мерзкая погода. И вот теперь моей ленивой корме надо тащиться в административное крыло! Мне двадцать минут потребуется, чтоб сходить туда и обратно. А сегодня еще эти люди приезжают!

Ленивая Корма работала на посту охраны, но ее обычно вызывали и на подмену при тестировании. У нее было фунтов двести лишнего веса, а лодыжки в жару распухали так, что могли сравняться толщиной со стволами пальмы в садике внутреннего двора.

– Вот те на! – как всегда, фыркнула Вот Те На.

Ее лоснящаяся коричневая кожа выглядела так, словно ее только что смазали маслом.

Пора! Большинство реплик уже убрались восвояси. Осталась лишь Сиреневый Ручей и Ли́ра. Они обе не шевелились.

– Давайте я схожу, – предложила Ли́ра и неловко встала.

Она тяжело дышала, как будто провалила тест. Вдруг Ленивая Корма заметит ее испуг? Нет. Конечно, она ничего не заметит. Медсестры, похоже, вообще не различают реплик. Ли́ра помнила, как она в детстве таращилась на медсестер: ей хотелось, чтобы они посмотрели на нее, увидели ее по-настоящему, взяли на руки, обняли и сказали, что она красивая. Однажды ее на два дня посадили в изолятор за то, что она украла электронный пропуск медсестры Эм. Ли́ра думала, что без пропуска та не сможет уйти и останется жить в Хэвене. Но, разумеется, медсестра Эм нашла способ улизнуть, а вскоре навсегда покинула Хэвен.

Но Ли́ра привыкла к тому, что все уходят и покидают ее. И она радовалась тому, что ее не отличают от других. Кстати, и медперсонал, и доктора тоже были для нее, в принципе, одинаковы. Поэтому она и стала придумывать им прозвища.

Медсестры Вот Те На и Ленивая Корма повернулись и удивленно уставились на нее. Ли́ра побагровела. Купероз. Она научилась этому, сызмальства прислушиваясь к врачам.

– Что оно сказала? – отчетливо произнесла Ленивая Корма. Она обращалась не к Ли́ре, но та ответила.

– Оно может отнести, – сказала Ли́ра, принуждая себя стоять неподвижно.

Когда она была маленькой, то никак не могла уразуметь разницы между «я» и «оно» и всегда их путала. Если она разнервничается, то может сплеховать! Но она все-таки предприняла очередную попытку.

– Я могу отнести бумаги в администрацию вместо вас.

Вот Те На прыснула со смеху.

– Иисус, Мария и Иосиф!

Но Ленивая Корма смерила Ли́ру тяжелым взглядом.

– Ты сумеешь дойти до администрации?

Ли́ра кивнула. Она же из Хэвена. Она всегда будет жить в Хэвене. Множество помещений здесь заперты и запретны, доступны только по электронной карте и коду – сотни кабинетов и палат, куда она не может войти, тысячи закрытых дверей, за которыми маячат люди в белом и со шлемами на голове. Но она выучила наизусть расположение каждого коридора и знала с точностью до секунды, сколько времени потребуется, чтобы дойти от туалета до Кастрюли и обратно. Она запомнила все отделы и комнаты отдыха, лестницы и черные ходы – они не представляют для нее никакой загадки, так же, как выпуклости ее бедер и груди! Она невольно породнилась с ними, как со своей кроватью номер двадцать четыре (ведь койка всегда принадлежала ей!). Тонометр и латекс, инвакардовская Змеетрубка, Красные Шапки, Стекланные Глаза – все это и есть Хэвен.

Ее друзья, ее враги, ее мир.

– Ли́ра, а что такое администрация? – спросила Сиреневый Ручей.

Она сейчас все испортит! И Сиреневый Ручей в курсе, где находится администрация! Про местоположение администрации известно каждой реплике. Сиреневый Ручей не может быть настолько тупой.

– Я быстро, – произнесла Ли́ра, игнорируя Сиреневый Ручей.

– Доктору Саппо такое самоуправство не понравится, – поджала губы Вот Те На.

Доктором Саппо персонал Хэвена называл Бога, но исключительно тогда, когда он не мог их услышать.

А когда мог – то доктор Саперштейн или директор Саперштейн.

Ленивая Корма ухмыльнулась.

– Да мне плевать, понравится ему или нет, – заявила она. – У него-то нет мозолей размером с гору святой Елены! Да и вообще ему никто ничего не скажет, верно?

– А если оно... накосячит? – предположила Вот Те На. – У тебя будут неприятности.
– Не на... – попыталась возразить Лира и откашлялась, потому что из горла вырвался какой-то невразумительный хрип. – Я не накосячу. Я понимаю, что делать. Надо пойти на минус первый этаж в крыле А.

Сиреневый Ручей захныкала:

– Хочу в администрацию!

Медсестра Вот Те На хмыкнула и повернулась к Сиреневому Ручью.

– А эта пойдет со мной! – рявкнула она и, чуть-чуть понизив голос, добавила: – Коричневые мрут как мухи. Занятно, как по-разному на них подействовало, да?

Лира продолжала стоять как столб.

– Все потому, что они до сих пор ничего толком не сделали. – Ленивая Корма покачала головой. – Ох, хоть бы они правду говорили, что этой гадостью нельзя заразиться!

Ленивая Корма продолжала смотреть на Лиру, сощурившись и что-то мысленно прикидывая. Затем Ленивая Корма забарабанила пальцами по стопке результатов тестов, словно ответ мог просочиться прямо в кончики ее пальцев.

– Я же тебе говорила, что нельзя. Во всяком случае, шастать по институту... Я в Хэвене – с самого начала. Разве я похожа на покойника?

Сиреневый Ручей заревела – громко, пронзительно, навзрыд, как плачут реплики-младенцы в палатах наблюдения. Вот Те На грубо вздернула ее на ноги и выволокла в коридор. И лишь когда Лира перестала слышать всхлипывания Сиреневого Ручья, она осознала, что затаила дыхание.

Внезапно Ленивая Корма подвинула стопку бумаг на полдюйма вперед. Лира едва не подпрыгнула от напряжения.

– Возьми результаты, ступай в администрацию и нигде не останавливайся, – пробурчала Ленивая Корма. – Если спросят, куда ты идешь, не отвечай и двигайся себе дальше. Там сейчас, наверное, Вернер. Передай ему, что я тебя прислала.

Лира почувствовала, как подергиваются мышцы вокруг ее губ. Но если она будет радоваться слишком явно, у Ленивой Кормы появятся подозрения. Лира взяла стопку – даже шелест бумажных листов был великолепен – и бережно прижала свою ношу к груди.

– Вперед, – проговорила Ленивая Корма.

Лира не стала ждать, не передумает ли медсестра. Но, очутившись в коридоре, она все-таки побаивалась, что Ленивая Корма окликнет ее. Вдруг она прикажет ей вернуться или решит, что это была плохая идея?

Лира пошла по коридору. Линолеум охлаждал кожу ее босых ступней.

Хэвен состоял из шести крыльев с буквенными обозначениями от А до Г. Крыло Е отсутствовало по неизвестным причинам, хотя персонал порой шептался, что у первого Бога, Ричарда Хэвена, была бывшая жена по имени Элен или Елена. Кроме Коробки, официально именуемой «крыло Г», все здания были связаны между собой и образовывали пятиугольник с внутренним двором в четыре акра. Там был разбит сад со статуями, скамейками и даже спортивной площадкой, которую медперсонал использовал для пэдлбола². Электронные двустворчатые двери разъединяли крылья в местах соприкосновения, подобно механическим суставам. Только Коробка достигала еще больших размеров: она включала в себя как минимум четыре этажа – плюс, предположительно, три подземных (хотя, учитывая, что Коробка находилась на уровне моря, последнее казалось маловероятным). Само здание Коробки, построенное из серых бетонных блоков, располагалось в доброй сотне ярдов от основной части Хэвена.

---

² Разновидность сквоша, причем если сквош – это игра с ракеткой и мячом, то в пэдлболе используется мяч на резинке, привязанный к ракетке.

Ли́ра знала, что самый краткий путь из кабинета тестирования в крыло А лежит через крыло F, и шла по привычному маршруту. Она решила, что если кто-нибудь к ней пристанет, она скажет, что идет в Кастрюлю – обедать.

Но никто ничего не спросил. Сперва Ли́ра миновала медсестер, сидевших в комнате отдыха. Они хохотали над двумя женщинами в телевизоре – репликами, как с волнением подумала Ли́ра, но затем смекнула, что актрисы являлись всего-навсего близнецами – как ни крути, а в их облике имелись явные отличия.

Потом начались спальни и комнатки поменьше – для младшего персонала, на четверых, с двухъярусными кроватями, а затем – просторное жилье врачей. И в конце – Кастрюля. От запаха готовящейся еды Ли́ру стало мутить.

Она поспешила вперед, опустив голову. Когда она проскользнула в крыло А, дежурный охранник едва удостоил ее взглядом. Ли́ра пересекла мраморный вестибюль с бюстом первого Бога, Ричарда Хэвена, и обнаружила, что кто-то завернул гранитного Ричарда в красно-синюю накидку и водрузил на него забавную шляпу. Ли́ра поняла: это какая-то игра, нечто, связанное с местом под названием Пенсильванский универ, откуда происходили оба Бога, и первый, и второй. Искусственная новогодняя елка, купленная для ежегодной вечеринки, уже три года пылилась на площадке главной лестницы – гирлянды выключали из розетки сразу после Рождества. Со стен улыбались фотографии незнакомцев: на одной из них, правда, красовались Ричард Хэвен и доктор Саперштейн – оба молодые, одетые в красное и синее. Они и лица себе раскрасили.

Но сегодня Ли́ра не останавливалась поглазеть. Она толкнула дверь и оказалась на лестнице, где слабо пахло сигаретным дымом.

Чем ближе Ли́ра подходила к администрации, тем сильнее ей сдавливало грудь, как будто ей вставили в горло Змеетрубку и закачивали жидкость в легкие. На минус первом этаже всегда царила тишина. Многие двери были снабжены кодовыми замками и отмечены красными кругами, перечеркнутыми наискось, что означало – вход разрешен только сотрудникам. А стены буквально всасывали шум, поглощая любые звуки, в том числе и шаги Ли́ры.

Вход в администрацию был также разрешен исключительно сотрудникам. Ленивая Корма заявила, что сейчас дежурит Вернер, и от этого зависел исход плана Ли́ры. Через двойные оконца в двери она разглядела помещение, разделенное на отдельные рабочие кабинки.

Ничего не изменилось. Здесь были те же самые пробковые доски, увешанные стикерами. Клавиатуры, теряющиеся под горами канцелярских папок. Телефоны и компьютеры, подключенные к перегруженным сетевым фильтрам. Все делопроизводство Хэвена стекалось сюда, от писем до медицинских заключений, документы проходили в администрации сортировку и отправлялись куда-то дальше, разлетаясь по нужным адресам.

Ли́ра нырнула в нишу, расположенную футов за двадцать до входа. Отсюда открывался хороший обзор на коридор, включая и самое главное – дверь в администрацию.

Может, она пришла вовремя? Может, она не упустит свой шанс?

Пару раз Ли́ра опасно осматривалась, но дверь оставалась закрыта.

Наконец, когда Ли́ра почти потеряла надежду, она услышала тихий щелчок замка. Створка скрипнула и отворилась. Секунду спустя кто-то направился к лестнице. Дождавшись, когда шаги стихли, Ли́ра выскользнула из своего укрытия.

Со времени исчезновения доктора О’Доннел Ли́ра периодически пробиралась к администрации. Она знала, что каждый день, когда куча работников еще болтается в Кастрюле, Вернер покидает свой пост, чтобы выкурить сигаретку-другую и оставляет администрацию без присмотра.

Вот и сегодня он специально всунул пустую папку между створкой и косяком, чтобы дверь не закрылась автоматически.

Ли́ра на цыпочках вбежала в помещение, проверила, на месте ли папка, и аккуратно притворила дверь за собой.

Сначала она стояла, не шевелясь, позволяя безмолвию окутать ее. Администрация состояла из нескольких помещений, соединенных между собой. Первое из них, в котором находилась Ли́ра, смахивало на современный офис: его освещали длинные потолочные светильники, как и в лабораториях наверху.

Ли́ра двинулась в чашу архивных шкафов и старых пластиковых коробов с горами бумаг: к ним-то наверняка годами никто не прикасался!

В смежных комнатках было темно или горел лишь нижний свет. Ли́ра чутко вслушивалась в тишину. Ей казалось, что она различает шепот миллионов слов, запертых в каждом ящичке и бьющихся изнутри в дверцы шкафов.

Она стремилась заполнить себя словами до краев – да так, чтобы из ушей потекло.

Ли́ра пробралась в дальний угол самой дальней комнаты и наугад открыла первый попавшийся шкаф. Ей были безразличны свежие отчеты и все, что в них могли писать или подразумевать. Она просто хотела получить возможность попрактиковаться. Доктор О’Доннел однажды объяснила ей, что такое настоящая библиотека и для чего она нужна, а Ли́ра сообразила, что администрация – ближайший аналог библиотеки, в котором ей удастся побывать.

Она выбрала самую дальнюю из папок, к которой точно никто не прикасался в течение десятилетия. Она оказалась тонкой, и Ли́ра порадовалась, что ее будет несложно спрятать. Закрыв шкаф, Ли́ра вернулась обратно, через комнаты, которые постепенно светлели и становились менее пыльными.

Выскочив в коридор, она опять нырнула в нишу и стала ждать. И действительно, через минуту дверь, ведущая на лестницу, скрипнула, затем хлопнула, и по коридору застучали каблучки. Вернер возвращался.

Теперь Ли́ре следовало выполнить официальное поручение. Но сперва она должна была спрятать добытую с таким трудом папку, пусть и ненадолго. Вариантов имелось не слишком много. Ли́ра выбрала висящий на стене металлический ящик со значком, который вроде бы означал «Опасные отходы». Обычно медсестры и врачи оставляли там использованные перчатки, пустые ампулы и шприцы, но сейчас ящик был пуст.

Вернер не впустил ее. Когда Ли́ра постучалась в стекло, он шагнул к двери и нахмурился.

– Чего надо? – буркнул он. Стекло приглушило его голос, но говорил Вернер очень медленно, наверное, сомневался в умственных способностях Ли́ры.

Очевидно, он не привык иметь дело с репликами.

– Меня послала Шэннон из охраны, – ответила Ли́ра, едва удержавшись, чтобы не ляпнуть «Ленивая Корма».

Вернер исчез. Когда он вновь возник в поле зрения Ли́ры, чтобы открыть дверь, она обнаружила, что он нацепил перчатки и медицинскую маску. Низший персонал часто отказывался иметь дело с репликами без соблюдения мер предосторожности, хотя Ли́ра считала такое поведение крайне глупым. Болезни, убивающие реплик, и условия, делающие их неразвитыми и туповатыми, были напрямую связаны с процессом клонирования и с тем, что они выросли в Хэвене.

Вернер уставился на стопку бумаг в руках Ли́ры, как на дохлого зверька.

– Ладно, давай. И скажи Шэннон из охраны, чтобы в следующий раз сама исполняла свои обязанности.

Вернер выхватил бумаги у Ли́ры и мигом отступил, сердито глаза на нее через стекло. Но Ли́ра не обратила внимания на его испуганную брезгливость. Мысленно она уже зары-

лась в сотни тысяч букв. Ее ждут новые страницы, новые слова, в которые можно погрузиться, разобрать их, расшифровать!

Ли́ра огляделась по сторонам, убедилась, что в коридоре никого нет, и достала папку из металлического ящика. Но одну деталь плана Ли́ра не продумала до конца. Она должна спрятать добычу в своей постели, но сначала надо каким-то образом донести ее до общей спальни реплик. А если кто-нибудь увидит Ли́ру и поинтересуется, где она раздобыла папку? Конечно, можно сказать медсестре, что она, Ли́ра, выполняет поручение – но вдруг кто-нибудь захочет проверить? Ли́ра не была уверена, что сумеет соврать достаточно убедительно. Она редко общалась с персоналом, а сейчас слишком вымоталась.

В итоге она сунула папку за пояс брюк и выпустила подол рубашки. Ей было неудобно: чтобы папка не выскальзывала, приходилось семенить, обхватив себя руками за живот, будто он у нее болит. Теперь Ли́ре казалось, что ее сопровождает шорох бумаги. Но выбора не было. Оставалось лишь надеяться, что она сумеет вернуться в крыло D, не вступая ни с кем в разговоры.

Однако стоило Ли́ре выйти на лестницу, как она услышала громкие голоса. Она даже не успела спрятаться: по ступеням уверенно спускался Бог в сопровождении Агента. Ли́ра сжалась и отступила в сторонку, прижимая папку к животу и молясь, чтобы эти двое не заметили ее.

Но они остановились.

– Эй, – окликнул ее чужак. – Эй, ты! – повторил он и посмотрел на Ли́ру угольно-черными глазами. – Это которое из них? – осведомился он у Бога.

– Точно не скажу. Некоторые медсестры умеют их различать. – Бог взглянул на Ли́ру. – Ты которое? – спросил он.

Вероятно, причиной тому была украденная папка, но Ли́ре вдруг захотелось представиться по имени.

– Номер Двадцать Четыре, – произнесла она вслух.

– И вы позволяете им бродить по институту бесконтрольно? – Чужак по-прежнему смотрел на Ли́ру, но обращался явно к Богу. – После того, что случилось?

Ли́ра поняла, что он подразумевает Черный Код.

– Мы следуем протоколу, – ответил Бог. Его голос напомнил Ли́ре укус шприца. – Вы же помните историю Хэвена? Еще в самом начале нашей деятельности было важно, чтобы с ними обращались гуманно. Таковы законы частного бизнеса.

– Какой еще частный бизнес? Деньгами теперь распоряжаемся мы, – отрезал чужак. – Как насчет заразы?

Ли́ра почти не слушала их. Похоже, украденная папка пропиталась липким потом. Ей представлялось, как он просачивается сквозь картон и мочит страницы. Папка немного сдвинулась: Ли́ра боялась, что какой-нибудь лист ненароком выскользнет – и тогда ее застанут с поличным.

– Заразиться можно только перорально, как вы должны бы были знать, если бы действительно читали отчеты. Ладно, номер двадцать четыре, иди, – сказал Бог.

Ли́ра чуть не вскрикнула от облегчения. Но лишь двинулась мимо них, по-прежнему не поднимая головы и крепко обхватив себя за талию.

– Стой! – позвал ее Агент.

Напружинившись, Ли́ра обернулась. Она уже успела подняться на несколько ступеней, и сейчас их глаза были на одном уровне. Ли́ра чувствовала себя, как во время медосмотра, когда дрожишь в больничной рубашке и щуришься от яркого света ламп на высоком потолке. В такие моменты ощущаешь себя заледеневшей и выставленной напоказ.

– Что у нее с желудком? – спросил Агент.

Ли́ра еще сильнее притиснула ладони к животу. «Пожалуйста, – взмолилась она. – Пожалуйста». Завершить мысль она не смогла. Если ее заставят отвести руки, папка выпадет. Ли́ра представила, как листы бумаги скользят через штанины и рассыпаются по ступенькам.

Бог указал на пластиковый браслет, который всегда носила Ли́ра.

– Зеленые, – пояснил он. – Первые версии. Более замедленный вариант, чем болезнь Крейтцфельдта-Якоба³. Большинство Зеленых до сих пор живы, хотя в последнее время наблюдаются признаки нейродегенеративной активности.

– А если по-нормальному?

В отличие от Агента в костюме, Бог не смотрел в глаза Ли́ре. Он поглядывал на ее плечи, руки, колени, лоб – но глаза игнорировал.

– Побочные эффекты, – произнес Бог и натянуто улыбнулся.

И Ли́ру наконец отпустили.

Ли́ра – не единственная из реплик – собирала всякие вещи. Роза держала под подушкой зубные щетки. Пальмолив выискивала в коридорах оброненные монеты и складывала их в коробочку, где раньше хранились антибактериальные ватные палочки. Кассиопея раскладывала на подоконнике рядом с кроватью десятки морских ракушек. Кроме того, однажды Кассиопея упростила медсестру Долли принести ей немного скотча, чтобы повесить рисунки, которые она нарисовала на салфетках, украденных из столовой. Она изображала мусорные баки, круги с красными полосками, стетоскопы, бюст первого Бога в его красно-синей кепке и скальпели, поблескивающие в складках чистой ткани. У нее здорово получалось. Ну а Каллиопа умудрилась утащить мобильник у медсестры, за что позже наказали весь ее генотип.

Поэтому Ли́ра всегда соблюдала осторожность – да и скрытности ей было не занимать. Папку Ли́ра аккуратно спрятала под тонкий матрас, рядом с прочим дорогим ее сердцу имуществом. В тайнике хранилось несколько ручек, включая ее любимую, зеленую со съёмным колпачком и белой надписью «Файн энд Ивз», и пустая коробка с надписью «Атолидс». А еще полдюжины монет, найденных у автомата прохладительных напитков, и ее истрепанная книжка, «Маленький принц».

Ли́ра постоянно перечитывала ее, и многие страницы уже начали выпадать.

«В книге есть одна важная идея, – сказала Ли́ре доктор О’Доннел перед тем, как покинуть Хэвен. – В любви Маленького принца к Розе заключена мудрость, которой может научиться каждый из нас».

Ли́ра кивала, старательно притворяясь, будто она понимает слова доктора О’Доннел, хоть на самом деле все обстояло наоборот.

Она ничего не понимала ни про любовь, ни про надежду.

Доктор О’Доннел ушла, а Ли́ра снова осталась одна.

---

³ Быстро прогрессирующее заболевание мозга.

Глава 5

– Ты мне соврала, Двадцать Четвертая.

Лира стояла на коленях, пытаясь сдержать слезы и сглотнуть привкус рвоты, когда дверь кладовки открылась. Лира не успела вскочить. Она развернулась и случайно зацепила рукой щетку.

Медсестра Кудряшка смотрела не на Лиру, а на испачканное рвотой ведро рядом с ней. Как ни странно, она вроде бы не сердилась.

– Так я и думала, – констатировала Кудряшка, покачав головой.

Уже давным-давно перевалило за полдень, и Кудряшка, наверное, только что вернулась с обеда, чтобы заступить в смену. Вместо медицинской формы на ней была футболка без рукавов, расшитая бусинами, джинсы и кожаные сандалии. Обычно Лиру завораживало любое свидетельство существования жизни за пределами Хэвена. Брошенный у раковины и покоробившийся от воды журнал в уборной медсестер. Использованный тюбик гигиенической губной помады в мусорной корзине. Порванный шлепанец у скамейки во внутреннем дворе. Трещины, сквозь которые просачивался иной мир.

Но сегодня ей было совсем не до этого.

Лира была уверена, что здесь, в кладовке уборщиц на минус первом этаже крыла D, которой редко пользовались, ей ничего не грозит! Она проснулась в холодном поту, с лихорадочно колотящимся сердцем, а тяжелый, саднящий желудок просто рвался наружу. Но до пробудки оставалась всего минута! Лира знала, что вскоре в уборные поплетутся реплики. Они будут умываться, чистить зубы и шептаться под шум воды про Агентов, про то, что им могло понадобиться в Хэвене, и действительно ли аллигаторы разорвали самца на куски, и теперь его легкие, почки и селезенка киснут в болоте.

А идти в умывальную для персонала – тоже крайне рискованно! Во-первых, репликам вход туда категорически воспрещен, да и народу там, конечно же, тьма. Медсестры вечно прятались в кабинках, чтобы позвонить или написать смс.

– Я не больна, – выпалила Лира и ухватила за полку, чтобы не упасть.

– Ладно, хватит.

Медсестра Кудряшка всегда вела себя так, словно ничего не слышала. А может, она и вправду не слышала. У Лиры часто возникало странное ощущение – что она невидима и живет за занавеской, а медсестры с докторами лишь смутно различают ее силуэт.

– Тебе надо к доктору Леви.

– Нет! Пожалуйста!

Доктор Леви работал в Коробке. Лира ненавидела его и огромную грохочущую машину – Мистера Я.

Она терпеть не могла ухмыляющиеся светильники, похожие на пустые безразличные лица. И Катетерные Пальцы, и Змеетрубку, и Капающие Мешки, и Унылые Койки, и шприцы, шприцы, шприцы!.. Она ненавидела кошмары, приходящие к ней в Коробке. Ей мерещились львы, марширующие вокруг цилиндрической чашки, и слышались призрачные голоса, которые почему-то казались ей реальными.

Даже спинная пункция Вампиром – длинной иглой, которую вставляли в основание позвоночного столба между двумя позвонками, чтобы взять ликвор на анализы – и то была лучше.

– Я нормально себя чувствую.

– Не валяй дурака, – заявила Кудряшка. – Это для твоего же блага. Давай, шевелись.

Ли́ра с трудом выбралась в коридор. Пришлось держаться за стены, унизанные гвоздями, на которых висели веники, швабры и совки. Она не помнила, какой сейчас день. Это знание как будто провалилось в дыру, образовавшуюся в ее черепе.

Она забыла, какой день был вчера. Она не помнила, что делала накануне вечером.

– Ну-ка! – произнесла медсестра и взяла Ли́ру за руку, что потрясло девушку.

Медсестры редко прикасались к репликам – лишь в момент стандартного осмотра. Имя этой женщины тоже испарилось из памяти Ли́ры, хотя она не сомневалась, что еще секунду назад помнила его. Что с ней творится? Похоже, рвота взбаламутила всю информацию в ее мозгу и перемешала ошметки ее мыслей.

У Ли́ры жгло глаза и саднило горло. Когда она подняла руку, чтобы вытереть рот, то осознала, к смущению своему, что плачет.

– Ничего, реакция вполне нормальная, – проговорила медсестра.

Ли́ра тем не менее поняла, что она имела в виду.

От этого места до Коробки быстрее всего было идти через крыло С, где держали реплик-самцов. Медсестра Шерил – имя вернулось к Ли́ре внезапно, высвободившись из умственной ловушки, где застряло на несколько секунд, – медсестра Шерил, прозванная Кудряшкой из-за вьющихся волос, распахнула дверь. Ли́ра оробела.

За долгие годы она бывала в крыле С считанные разы. Она не забыла ни Пеппер, ни того, что произошло.

Как рыдала Пеппер, когда ей в первый раз сказали, что с ней случилось: она будет суррогатной, как те темнокожие женщины, приплывающие и уплывающие на катерах и никогда не выходящие из бараков!..

Сперва Пеппер билась в истерике. Она расцарапала себе живот и умоляла врачей вынуть это из нее.

Но два месяца спустя, когда доктора решили, что ей действительно нельзя сохранить эмбрион, Пеппер уже придумывала для него имена: Океан, Воскресенье, Валиум.

После того случая с Пеппер все ножи в столовой заменили на пластиковые, а разделенные самцов и самок стало еще строже.

– Не бойся. – Кудряшка подтолкнула ее. – Ты со мной.

В крыле С было душно. А может, Ли́ру просто бросило в жар. В одном кабинете оказалась открыта дверь, и Ли́ра заметила реплику-самца. Он лежал на диагностическом столе с датчиками, прикрепленными к голой груди. Ли́ра быстро отвернулась. В крыле С и пахло по-другому – той же смесью антисептика, хлорки и человеческого пота, но как-то сильнее.

Потом они выбрались на лестничную площадку, поднялись по ступенькам и миновали череду комнат, заставленных койками, как и в спальнях девчонок. Помещения, к счастью, пустовали: самцов, которые не болели и не находились на обследовании, наверное, кормили в Кастрюле. Несмотря на стандартные белые простыни, серые одеяла и пластиковые мусорные корзины под кроватями, отчего-то возникало ощущение, что в комнатах царит беспорядок.

Они перешли в крыло В, и Кудряшка предъявила документы двум дежурным охранникам. В крыле В проводились исследования, и доступ сюда, разумеется, был ограничен. Они миновали лаборатории – ослепительно белые комнаты, в которых горели ряды флуоресцентных ламп. Здесь работало множество ученых: они неторопливо двигались в помещениях, переходя от одного стола к другому. Все были в одинаковых перчатках и белых халатах, а серые полупрозрачные шапки тщательно скрывали их волосы. Глаза ученых смахивали на фасетчатые глазки насекомых – из-за специальных очков, увеличивающих их в размерах. Тут были компьютерные экраны, заполненные мешаниной цветов, и металлическое оборудование. Ли́ре показалось, что из лабораторий буквально выплескиваются научные термины,

которые она слышала с первого дня своей жизни, не зная толком, что они означают. Спектрометрия, биометрия, жидкостная хроматография – прекрасные слова, о которые можно споткнуться и провалиться в их неведомый смысл.

Однажды Лира набралась мужества и спросила у доктора О’Доннел, что ученые делают в лабораториях. Не могут же они день-деньской заниматься усовершенствованием процесса репликации, препятствовать ранней смерти самцов и самок и следить за тем, чтобы у суррогатных особей не было выкидышей (после пересадки эмбрионов такое частенько случалось).

Доктор О’Доннел заколебалась.

– Они исследуют причины ваших болезней и недомоганий, – наконец ответила она. Говорила она медленно, наверное, подбирала какие-то особые слова и не хотела поранить ими Лиру. – Они изучают, как долго протекает процесс и почему он включается.

– Они узнают, как все исправить? – спросила Лира.

Доктор О’Доннел заколебалась, но лишь на миг.

– Конечно.

Бетонная Коробка, окруженная сетчатым забором, высилась примерно в сотне ярдов от основного комплекса института. В отличие от других сооружений Хэвена, крыло G не имело окон, зато здесь была дополнительная система безопасности. Медсестре Кудряшке пришлось дважды называть себя по имени и показывать документы вооруженным охранникам: те круглосуточно патрулировали периметр.

Кудряшка оставила Лиру в холле возле лифта, на котором можно было спуститься на минус первый этаж и предположительно попасть на скрытые подземные уровни. Лира старалась не смотреть на дверь, ведущую в приемное отделение, где столько реплик умерли или вообще не смогли развиваться. Даже медсестры не любили находиться в крыле G: они называли его кладбищем!

Лира задумалась: а где теперь Сиреневый Ручей и сколько она еще продержится?

Вскоре дверцы лифта разъехались в стороны, и в холл вышла лаборантка в белоснежном халате, с волосами, спрятанными под шапочкой. Она явилась, чтобы провести Лиру вниз, к Мистеру Я. Насколько могла судить Лира, именно эту лаборантку она видела всякий раз, когда попадала в Коробку в течение трех последних месяцев.

Хотя опять же Лира различала медперсонал с трудом, поскольку лица сестер и врачей обычно скрывали очки и специальные маски. Кроме того, они никогда не разговаривали непосредственно с Лирой.

На минус первом этаже они побрели по длинному коридору без окон, с дверями, на каждой из которых имелась надпись «Посторонним вход воспрещен». Но когда какой-то врач выбрался в коридор, Лира успела разглядеть зону санобработки, а за ней – кабинет, где дюжина ученых сидела за сверкающим оборудованием. Они были облачены с ног до головы в защитные костюмы и массивные головные уборы, придававшие им сходство с астронавтами. Последних Лира иногда видела по телевизору медсестер.

Мистер Я находился в прохладной ярко освещенной комнате с тихо жужжащей воздушной циркуляционной системой. Мистер Я напоминал Лире широко разинутую пасть, а стол, на который ей полагалось лечь, походил на бледный вытянутый язык.

У Лире все волоски на теле встали дыбом.

– И запомни: не шевелиться! – произнесла лаборантка приглушенным голосом и поправила свою маску. – Иначе придется начинать процедуру сначала. А мы ведь этого не хотим, верно?

Позже Лиру привели в комнатку поменьше и приказали лечь. Пока Лира находилась на столе, а врачи сновали вокруг нее, время от времени она переставала понимать, человек ли она или просто кусок мяса. Может, она стакан, опрокинутый на стойке?

Наверное, она превратилась в вещь.

– Я не верю, что Техас нас опередил. Ерунда. Они блефуют. Два года назад они инфицировали бычьи ткани...

– Да какое будет иметь значение, блефуют они или нет, если нам урежут финансирование? Куча народа думает, что они почти у цели. «Файн энд Ивз» упустили контракт. Нам жутко не везет.

Слепящий свет, холодные датчики, елозящие по ее телу, руки в перчатках, щиплющие и сжимающие ее кожу и мышцы.

– Саппо думает, что последний вариант годится. Он твердит о полном успехе – причем всего-то за неделю! Представляешь себе результат?

– Вероятно, он прав! Хорошо бы!.. А то что нам потом с этим выводком делать, если нас закроют? Как ты считаешь?

Лира вдруг изнемогла и зажмурилась.

– Открой глаза, пожалуйста. Смотри на мой палец. Налево. Направо. Хорошо.

– Рефлексы по-прежнему в норме. – Женщина-врач расстегнула больничную рубашку и сильно сдавила ей сосок. Лира вскрикнула. – И реакция на боль – тоже. Будь так добр, загляни в ее карточку. Какой это вариант?

– Аналогичный болезни Крейтцфельдта-Якоба, только медленнее протекающий. Потому-то подушечка таламуса видна на МРТ. В природе такое встречается крайне редко, и практически всегда подобная аномалия – наследственная.

Затем разговоры прекратились. Лира думала про «Маленького принца», доктора О’Доннел и далекие звезды, где жили и умирали свободными удивительные существа. Она никак не могла перестать плакать.

– А как они выбирают, кто окажется в контрольной группе, а кому введут другие препараты? – нарушил паузу врач-самец.

– Все автоматизировано, – отозвалась женщина. Теперь она пальцами придерживала веки Леры, чтобы та не моргала. – Ого! Видишь, как у нее подергивается левый глаз? Типичная миоклония⁴. Еще один признак.

– Хм. Так это делается наугад?

– Точно. Компьютер действует по алгоритму. Понимаешь, тогда никто не будет обижен. Передай мне, пожалуйста, стетоскоп. Спорим, у нее частота сердечных сокращений зашкаливает?

Ночью было очень тихо, и скандирование вкупе с барабанным боем – в дни приезда Агентов оно казалось Лире громче – без помех несло над водой. Лира долго лежала без сна, борясь с постоянными приступами тошноты, и прислушивалась к мерному ритму, который сейчас вовсе не казался далеким. Иногда она представляла себе, что шум приближается и на Хэвен вот-вот нахлынут чужаки. Лира воображала, что чужаки эти созданы из тьмы и тени, а не из крови, мышц и костей. Внезапно она подумала, что номер Семьдесят Два, возможно, не умер. Она вспомнила, как однажды медсестры болтали о том, будто болота в действительности являются затопленными островами. Значит, многие мили земли порой поглощает вода.

Интересно, Семьдесят Второго все-таки утянуло в трясины или он сейчас жив и чутко прислушивается к голосам?

---

⁴ Непроизвольные сокращения одной или нескольких мышц.

Утешением Лире служило присутствие нового пополнения ее коллекции, спрятанного под поясницей. Ей казалось, что от папки исходит тепло, как от сердца или от пальцев доктора О'Доннел.

«Температура тридцать семь и ноль».

Лира погрузилась в забытие: над кроватями будто проплывал аромат лимона, смешанный с запахом антисептика, словно доктор О'Доннел до сих пор была в Хэвене.

– Не тревожься, – как-то раз сказала ей доктор О'Доннел в такую же ночь, когда скандирование разрывало тишину. – Они не доберутся до тебя, – добавила она. – Они не смогут пробраться сюда.

Но О'Доннел ошибалась.

Глава 6

Спалось Лире плохо. Она проснулась от спазма, сдавившего ей грудь. Ощущения были точно такие, как много лет назад, когда Даже-и-не-думай сунула Лиру головой в раковину, в наказание за то, что она украла из комнаты отдыха медсестер шоколад.

Побочные эффекты. Ничего, пройдет. От лекарств сперва становится хуже и только потом – лучше. В тусклом утреннем свете, под сопение соседок, Лира закрыла глаза. На миг ей вспомнилось, как давным-давно одна суррогатная укачивала ее и пела ей колыбельные. Ее волосы приятно щекотали Лире лоб.

Лира снова открыла глаза. Нет. Суррогатные не поют. Они воют и кричат. Или плачут. Они говорят на других языках. Но не поют.

К горлу снова подступила тошнота.

Теперь она не станет рисковать и блевать в здании. Нужно найти укромное местечко подальше – на берегу, может, за баками потенциально опасной незастроенной территории, которую Хэвен огородил для порядка. В общем, там, где охранники ее не засекут.

Лира предпочла пройти внутренний двор, который часто пустовал. Пока ей ничего не угрожало: дежурящие ночью медсестры сейчас должны были готовиться к возвращению в Сидар-Ки.

Лира прошла мимо изваяния первого Бога, Ричарда Хэвена. Статуя высилась в центре двора, где пересекались четыре дорожки.

Она решила передохнуть, прислонившись к холодному мрамору пьедестала, рядом с дощечкой, на которой перечислялись труды и достижения Бога. Лира подумала, что у него – доброе лицо. Во всяком случае, таким его изобразил скульптор.

Живым она его не помнила. Ричард Хэвен умер до того, как ее сделали. Автор статуи изобразил Ричарда в коленопреклоненной позе с воздетой дланью. Наверное, предполагалось, что первый Бог призывает незримые толпы прийти и взглянуть на его творения.

Тем не менее Лире всегда казалось, что он тянет руку к облакам, к другому Богу, в которого верили медсестры. Их Бог тоже ненавидел реплик.

Лира присела возле мусорных баков, отмеченных значками «биологическая опасность», и уставилась на зеленые стрелки высокой травы. Когда она, наконец, поднялась, то почувствовала себя немного лучше, но слабость осталась. Пока Лира тащилась обратно к главному зданию, она делала передышку раз пять и заработала неодобрительный взгляд охранника, патрулирующего территорию. А ведь обычно она радовалась, что Хэвен настолько огромный – здесь были и открытые пространства, и аллеи в тени гикори и высоких пальм...

Лире очень нравились яркие мазки гелиотропов, раскиданные на клумбах, и дикая колоказия, которая пробивалась меж цементных плит. Правда, Лира не знала этих названий и думала о растениях лишь в общих терминах: цветы, деревья, корни...

Но сегодня она обессилела и хотела только одного: поскорее вернуться в кровать номер двадцать четыре.

Добравшись до нужного крыла, Лира услышала крики. Когда она приблизилась к спальне, то обомлела: она узнала голос доктора Саперштейна. Лира невольно попятилась: Бог никогда не приходил в спальни.

А затем раздался вопль Кассиопеи:

– Не трогайте их! Так нечестно!

Лира прижалась к стене.

В коридор выскочила медсестра, чуть не поскользнулась на кафельном полу, как-то странно взглянула на Лиру и помчалась в противоположную сторону. Дверь спальни была распахнута настежь.

Лира едва успела ухватить ее, пока та не захлопнулась.

Она замерла на пороге, тяжело дыша. Кассиопея ползала на четвереньках и пыталась собрать свою коллекцию ракушек, сброшенную с подоконника и изрядно пострадавшую. Все рисунки, висевшие над кроватью Кассиопеи, были сорваны, как будто по спальне пронесся ураган, от которого не пострадали вещи других реплик.

Лира сделала робкий шаг и увидела скомканные листы бумаги в руках у Бога.

– Невероятно! – ревел доктор Саперштейн.

Он орал – но вовсе не на девушек, отнюдь! – доктор Саперштейн кричал на собравшихся медсестер, среди которых была и медсестра Долли (именно она дала Кассиопее скотч, чтобы та повесила свои рисунки над кроватью).

– Надеюсь, вы осведомлены о том, что нам грозит потеря финансирования?! Вам хочется остаться безработными?! У нас есть квота, протоколы...

– Прости меня, я виновата, – выдавила медсестра Долли. – Я думала, в этом нет ничего плохого.

Бог шагнул к ней и лишь чудом не споткнулся о Кассиопею, которая скорчилась на полу и плакала. Лира хотела подойти к ней, но обнаружила, что не в силах тронуться с места.

Под ботинками Бога похрустывали раздавленные ракушки.

– Ничего плохого? – переспросил он, и медсестра Долли поспешно отвела взгляд. Теперь Бог говорил тихо, но тон его был ледяным, что до полусмерти напугало Лиру. – Я посвятил проекту всю свою профессиональную жизнь. Последние два десятилетия мы занимались краеугольными медицинскими проблемами и... – Он не договорил и поджал губы. – Итак, нам нужен результат. Хэвен – серьезный научно-исследовательский институт, а не детский сад.

Никто не произнес ни слова. Лира, затаив дыхание, слышала стук своего сердца. Бух-бух-бух. Как ритм скандирования, который доносился из Бэрел-Ки и доходил до Елового острова. «Чудовища, чудовища! Сжечь Хэвен дотла».

Бог вздохнул, снял очки и потер глаза.

– Мы выполняем важную и нужную работу, – продолжил он. – Не забывайте о нашей миссии. – Он развернулся, но внезапно замер как вкопанный. – Так будет лучше для всех.

Лира по его тону поняла, что последнее замечание относилось не к репликам.

Богу нужно было по пути к двери обойти Кассиопею. Он не удостоил ее взглядом, пнул ракушку, и та улетела прочь.

– Уберите грязь, пожалуйста, – произнес он, обращаясь в пространство перед собой.

Лира быстро юркнула в сторону, чтобы не столкнуться с ним.

После ухода Бога несколько мгновений никто не шевелился. Лишь Кассиопея продолжала перебирать останки коллекции, превратившейся в обломки и пыль. В конце концов медсестра Долли наклонилась к ней.

– Ладно, – сказала она, присев, и поймала Кассиопею за запястье, когда та тянула руку к очередной сломавшейся ракушке. – Хватит.

События развивались стремительно. Кассиопея вскинула голову и толкнула медсестру Долли.

– Отстань от меня! – зарыдала она.

Кто-то вскрикнул, а Лира шагнула вперед:

– Не надо!

Может, Кассиопея не хотела толкать медсестру Долли сильно, а может, и хотела. Так или иначе, но Долли потеряла равновесие и упала. В ту же самую секунду Даже-и-не-думай кинулась к Кассиопее и рывком подняла ее на ноги.

– Ах ты пакость! – прошипела Даже-и-не-думай, заломив Кассиопее руки. – Как ты посмела притронуться к ней – после того, как тебя столько лет кормили, одевали и лечили? Суд Божий ждет тебя – не забывай!

– Я вам не вещь! – Глаза Кассиопеи сверкали, ее тело сотрясала мелкая дрожь.

Лира смотрела на нее в ужасе. Она не понимала, откуда Кассиопея взяла эти слова, откуда простекал ее гнев. Ей даже показалось, что спальня раскололась, обнажив черную пропасть, потайной географический разлом.

– Вы не можете мне приказывать! Я вам не принадлежу! Я – настоящая! Я – есть!

– Ты – ничто! – заверещала Даже-и-не-думай. От ярости лицо стало багровым, уподобившись бесформенному куску говядины в холодильнике. – Ты принадлежишь институту и доктору Саперштейну! Ты можешь оставаться здесь – или убираться, и пускай тебя убьют!

– Меня в любом случае убьют, – парировала Кассиопея.

Она преобразилась: сейчас Кассиопея выглядела почти счастливой, будто она успешно прошла тестирование когнитивных функций. Лира не понимала, почему так, но знала, что это не может быть правильным.

Гусиный Пух, одна из генотипа Кассиопеи, стояла, крепко обхватив себя руками, хотя ругали вовсе не ее. Кстати, они с Кассиопеей были бы совершенно одинаковы, если бы не безучастное лицо Гусино Пуха.

В детстве у Гусино Пуха была привычка от досады биться головой об землю, и она до сих пор спала в памперсе.

– Разве не так? Каждый из нас со временем умрет. Какая разница?...

– Максин, оставь! – Долли, скривившись и держась за поясницу, поднялась на ноги. – Оно не соображает, что делает.

Лира необъяснимо разозлилась на Кассиопею. Долли была в числе лучших медсестер.

Медсестра Даже-и-не-думай еще секунду постояла, удерживая Кассиопею, а потом резко отпустила ее и отвернулась.

– Извращение, – пробормотала она. – Дьявольские отродья.

– Хватит! – подала голос медсестра Кудряшка, обращаясь ко всем. – Вы двое, помогите номеру Шесть убрать, – добавила она и кивнула Гусино Пуху и Баунти, которые неподвижно наблюдали за происходящим.

Но вдруг Кассиопея вылетела за дверь, оттолкнув Даже-и-не-думай и стряхнув руку Лир, которая попыталась коснуться ее.

– Хватай ее! – выкрикнула Даже-и-не-думай, но Долли покачала головой.

– Она вернется, – измученно вздохнула Долли.

Лира заметила, что у Долли под глазами залегли темные тени, и на мгновение задумалась об иной жизни медсестры Долли – той, что за пределами острова. Интересно, каково это – иметь свой тайный мир, свое уютное местечко вдали от Хэвена, от реплик, врачей и Стекланных Глаз?

Но она так и не сумела ничего представить.

Медсестра Долли встретилась взглядом с Лирой, и девушка тотчас отвела глаза.

– Вам некуда бежать, – мягким извиняющимся тоном произнесла медсестра Долли.

Кассиопея не появилась и за обедом. Реплики помалкивали и даже не переглядывались. Трудно чувствовать себя спокойно, если вдоль стен выстроилась шеренга из медсестер и охранников. Лица персонала ничего не выражали: они просто смотрели, как девушки едят.

Многие из них нацепили маски и облачились в защитные костюмы, придававшие им сходство с гигантскими воздушными шарами.

У Леры пропал аппетит. Ее до сих пор подташнивало, а от запахов Кастрюли желудок сжимало и скручивало в тугий ком. Но она не рискнула пропустить прием пищи. Ей не хотелось в Похоронное Бюро. Поэтому она заняла очередь вместе с остальными репликами и положила на тарелку картофельное пюре и кусок цыпленка, плавающего в кроваво-красном томатном соусе совершенно безумного оттенка.

Лира поковыряла еду и порезала мясо. Часть своей порции спрятала в салфетку.

Ей нужно найти новый тайник. В спальне отныне небезопасно. Ну да, ей полагалось самой менять постельное белье – но вдруг однажды она забудет и книгу, и папку, и ручку, и жестяную коробку? А если ее коллекцию обнаружат? Все заберут и уничтожат, и она никогда не получит свои сокровища обратно. В особенности книгу. Это была ее последняя частичка доктора О’Доннел и единственная вещь, которую Лире подарили за всю ее жизнь, не считая типовой одежды и колючего одеяла для холодных ночей.

Поэтому, покинув Кастрюлю, Лира напрямик направилась в спальню. К счастью, ей повезло: после обеда у реплик-самок было полчаса свободного времени перед дневным медосмотром.

В спальню потащилось всего лишь полдюжины самок в сопровождении дежурной медсестры Вонючки. Она была пожилой женщиной и постоянно жевала специальные конфеты из имбиря и чеснока для улучшения пищеварения: в результате от нее всегда воняло этой ядреной едкой смесью.

Лира прошла к своей кровати, повернувшись спиной к Вонючке, и начала менять постельное белье. Улучив момент, она сунула руку под матрас, вытащила книгу, папку и запрятала их в наволочку. Спустя минуту Лира прошествовала к двери, крепко прижимая белье к груди, словно оно могло заглушить биение ее сердца.

– Ты куда? – поинтересовалась Вонючка.

Она сидела на складном стульчике у двери и шуршала конфетной оберткой.

– В прачечную, – ответила Лира и сама удивилась тому, как спокойно звучит ее голос.

– День стирки был вчера, – возразила Вонючка.

– Знаю, – сказала Лира. – Но у меня месячное кровотечение, – шепотом добавила она. Медсестра махнула рукой, дескать: «Валяй».

Лира свернула направо, к концу крыла D. Но вместо того чтобы спуститься вниз, в прачечную, она бросилась к первому пожарному выходу. Распахнув дверь, ведущую на юго-восточную сторону института, Лира вышла наружу. Пошарив глазами по пологой земле, она уперлась взглядом в сетчатый забор, за которым раскинулись бескрайние топи.

Лира подняла голову: в светло-голубом небе кружили птицы. В воздухе витали аромат дикой колоказии и запах дохлой рыбы.

Отсюда можно было разглядеть болота: они напоминали огромный зеленый луг – настолько густо их поверхность заросла водяным салатом. Но Лиру эта картина не обманывала.

Репликам вечно твердили про болота, затопляемые морской водой во время прилива, про рыбаков, охотников и искателей приключений из Бэрел-Ки. Сотни бедолаг сбились с пути посреди разросшейся, как опухоль, растительности – и все, разумеется, погибли.

Лира спрятала скомканные простыни за подстриженной живой изгородью. Наволочку вместе с содержимым она сунула под рубашку и побрела дальше, огибая главное здание. Она заметила Кассиопею – та неподвижно сидела у забора, подтянув колени к груди, и глазела на болота. Сперва Лира захотела подойти к ней, но не знала, что сказать. Кассиопея натворила бед. Она толкнула медсестру Долли. Ее отправят в изолятор или на пару дней запретят

вставать с кровати. Кроме того, Ли́ра пошатывалась от слабости, и одна лишь мысль о том, чтобы попытаться утешить Кассиопею, изнуряла ее.

Ей нужно дойти до какого-нибудь уединенного, но не слишком отдаленного участка. Она должна найти место, куда можно будет легко пробраться, не вызывая подозрений медперсонала и охранников. Что-нибудь укромное, безлюдное. Убежище, где ее коллекция будет в безопасности.

Поэтому Ли́ра направилась в самую глухую часть острова, молясь, чтобы ее случайно не заметили. А вдруг она нарушила уже дюжину правил Хэвена? Если ее застукают и спросят, что она делает, она будет мямлить и точно не отвертится от наказания.

Северная оконечность острова оставалась почти нетронутой с тех самых пор, когда еще несколько десятилетий тому назад остров принадлежал лесобрабатывающей компании. Сейчас тут находилось только хранилище со старым оборудованием, герметичные бочки с химикатами и бытовки, установленные на шлакоблоках и запертые на висячие замки. Ли́ра притормозила у ржавых ворот с выцветшим знаком биологической опасности. Но ворота оказались не заперты, и она решила рискнуть: биологически опасных материалов в Хэвен всегда было в избытке.

За воротами не обнаружилось ни ухоженных живых изгородей, ни мощенных камнем дорожек. Тут было прохладнее благодаря тени дубов и могучих раскидистых сосен, хотя Ли́ре все деревья казались одинаковыми. Она шла и думала о хищных животных. Дикие звери таились повсюду, к примеру, в темных пещерах. Крокодилы могли запросто проползти под забором, а змеи, наверное, примостились на ветвях. Года три назад дикая свинья проломилась через подлесок и шныряла вокруг охранников у Коробки. Это был один из тех немногих случаев, когда Ли́ра видела, как врачи смеялись.

Брошенные трактора. Свернутые тяжелые цепи. Пластиковые чаны и контейнеры для мусора. Сломанный старый подъемный кран с поднятой стрелой. Ли́ра потащилась по длинному проходу, огибая ржавое оборудование, хлюпая по грязи, которая становилась все гуще и глубже по мере того, как она подходила к приливной зоне. Насекомых прибавилось, и жужжали они громче. Ли́ра знала, что она находится на территории Хэвена – она видела забор за деревьями и различала отблески закатного солнца, поблескивающие на яркой зелени болот. Она понимала, что до ближайших охранников всего-то несколько сотен метров, но чувствовала себя так, словно шагнула в иной мир.

А если она и впрямь может идти вечно, углубляясь в лес, и ее никогда не найдут?

Правда, она даже не представляла, восхищает ее такая идея или пугает.

Вскоре она увидела моторную лодку, стоящую на бетонных блоках и накрытую синим полиэтиленовым тентом, скользким от влаги и плесени. Идеальный тайник. Ли́ру затопила волна облегчения. Она так устала и вымоталась!

На секунду, когда она остановилась, ей почудились чьи-то шаги. Но когда Ли́ра обернулась, она никого не увидела.

Она сдвинула часть тента и застыла в замешательстве. Дно лодки было частично поржавевшим, но относительно сухим – и кто-то уже устроил тут тайник. В лодке лежали: свернутое коричневое одеяло с нашивкой института, две аккуратно сложенные пары брюк, две рубашки и мужское нижнее белье, тоже в двух экземплярах. Еще там был фонарик, картонные упаковки с сухим молоком, консервный нож с меткой «кухня Хэвена» и полдюжины жестянок с супом.

Какая-то мысль шевельнулась в сознании Ли́ры, некая ассоциация, но прежде, чем она облеклась в слова, кто-то заговорил.

– Не трогай мои вещи! – раздался голос у нее за спиной.

Ли́ра крутанулась на месте, и у нее перехватило дыхание.

Сначала она подумала, что этот парень – посторонний, каким-то образом прошмыгнувший в Хэвен. Он выглядел столь необузданным и яростным, что показался Лире представителем другого биологического вида. Но потом ее испуг чуть-чуть стих, и она предположила, что он сильно голоден. Его скулы резко выделялись на лице, как будто их вырезали ножом. На руках у него видны были узкие диагональные шрамы: ни дать ни взять крохотная лестница, высеченная в плоти.

А потом Лира заметила белый браслет Хэвена – и возникшая прежде идея оформилась, сделалась очевидной и неоспоримой.

Это он. Семьдесят Второй. Черный Код. Беглец.

Однако он не убежал. По крайней мере далеко. Он хоронился здесь в северной оконечности острова.

– Я тебя знаю, – сказала Лира. – Ты – Семьдесят второй.

Он не стал отрицать.

– Как ты меня нашла? – Он шагнул к ней, и Лира почуяла его запах – резкий, животный, но не слишком отталкивающий. – Кто из них тебя послал?

– Никто меня не посылал! – возмутилась Лира.

Все-таки ей не нравилось находиться рядом с ним. Она никогда не бывала так близко ни с кем из самцов. Ей почему-то невольно думалось про Пеппер и про увиденное однажды изображение беременной женщины, которая словно переваривала собственный эмбрион.

Но бежать было некуда: она упиралась спиной в лодку.

– Я не тебя искала, – пробормотал она.

– Тогда что ты тут делаешь? – выпалил он.

Лира заколебалась и еще крепче прижала к груди наволочку со своим добром.

– Я не хочу об этом говорить.

Он покачал головой.

– Я не могу тебя отпустить, – заявил он, схватив ее за руку.

И в ту же секунду мир взорвался.

Глава 7

Позднее обитатели Бэрел-Ки рассказывали байки о том взрыве. Рыбаков чуть не вышвырнуло из лодок ужасной волной, пронесшейся вслед за звуком, – спустя несколько часов выяснилось, что это часть крыла А снесла забор и рухнула на мелководе. Мисси Галлахер увидела взметнувшийся вдали столб огня и подумала про Апокалипсис и Судный день. Билл Коллопс заподозрил во всем террористов и помчался в подвал, требуя от жены, чтобы та живо помогала ему с боеприпасами.

Первая бомба, взорвавшаяся в вестибюле, рядом с бюстом Ричарда Хэвена, изрезала осколками стены и балки и обвалила крышу. Женщину, которая принесла взрывчатку на остров, примотав ее к груди и прикрыв кухонным противнем, разнесло в клочья, и даже ее стоматологическая карта оказалась бесполезна. Установить ее личность удалось исключительно благодаря тому, что она оставила на материке рюкзак с запиской, где говорилось об ее побудительных мотивах и связи с «Ангелами Первого Спасителя» (впоследствии ее рюкзак обнаружили солдаты). В ее аккаунте на «ВордПресс» упоминался сайт, именуемый HavenFiles, и утверждалось, что она выполняла приказ Иисуса Христа – дескать, она должна была уничтожить противоестественные извращения на Хэвене и омерзительных грешников. Блог пережил кратких три часа славы и наплыва пользователей, а затем был загадочным способом стерт навеки.

Вторая и третья бомбы породили огненный шар, который с ревом пронесся по коридорам: от его жара плавился металл, а пластиковые обеденные подносы превратились в бесформенные комки. Все могло бы закончиться не столь плачевно, если бы не значительная партия амилнитрита⁵, которую заказал один из сотрудников Хэвена. Он неосмотрительно оставил амилнитрит в холле, потому что толком не знал, где его лучше хранить.

А Хэвен заполонили слухи. Мол, женщина верила, будто институт Хэвена создает искусственных людей, чтобы сотворить из них дьявольскую армию, а следовательно, и отродья, и их создателей надо покарать огнем. Что у нее имелась распечатка всех семидесяти шести страниц HavenFiles – с выделенными местами и комментариями на полях. Они вроде бы были заламинированы и уложены в сумку вместе с Библией, распятием и недоеденным бутербродом с ветчиной и сыром. Что женщина, пожалуй, оказалась в чем-то права, поскольку военные отреагировали крайне жестко. Вдобавок и люди в защитных спецкостюмах не просто так несколько недель кряду прочесывали Хэвен и вывозили обломки на материк.

В итоге Еловый остров стал пустым, разрушенным и безмолвным.

Но почему же это трагическое известие не попало в серьезные новостные каналы? Ни в одну из крупных газет?

– Заговор, – пробурчал Билл Коллопс и принялся чистить оружие.

– Боже мой! Где мы живем? – горестно вздохнула Мисси Галлахер.

Официальная версия – та, которую включили в вечерний выпуск местных новостей, – гласила, что новый сотрудник лаборатории допустил ошибку в обращении с химикатами. В результате начался пожар, мгновенно охвативший помещение. Тем не менее эта уже приглаженная легенда вскоре сгинула в небытие...

Еловый остров был позабыт вместе с его обитателями.

Конечно же, тогда Лира ни о чем не догадывалась. В тот момент она подумала, что небо расколосось и настал конец света.

⁵ Изоамиловый эфир азотистой кислоты, летучее легковоспламеняющееся вещество.

Глава 8

Сила первого взрыва сбила ее с ног. Лира грохнулась ничком в грязь, Семьдесят Второй рухнул рядом с ней. Глаза защипало от пыли, которая поднялась отовсюду одновременно, словно туман. Кричали люди. Сирены выли на одной и той же пронзительной панической ноте без конца.

Эти звуки парализовали Лиру: ударные волны, возгласы, терзающие ушные перепонки, и отдающийся в зубах треск разрываемых атомов. Лишь через секунду она осознала, что Семьдесят Второй куда-то пропал.

Она заморгала, приподняла голову и оперлась на локти.

Оказывается, он уже вскочил и бежал куда-то наутек.

Но, сделав несколько шагов, он остановился, обернулся и посмотрел на Лиру. Она опять обмякла и теперь оцепенело валялась в грязи – животом вверх, будто саламандра.

Он вернулся. Ему пришлось кричать, чтобы перекрыть пламя и вопли.

– Быстро! – скомандовал он, но его голос был далеким и глухим: звон в ушах превратил его приказ в размытую музыку.

Лира не шелохнулась. Она, похоже, промерзла до самых костей. Ей захотелось спать. Даже губы не желали ей подчиняться, чтобы произнести: «Нет».

– Давай! – рявкнул он.

Лира не очень хорошо умела распознавать эмоции, но предположила, что он сердится.

Она повернула голову и сосредоточилась на мелких деталях. Краб удирал боком по взбаламученной воде, а в кронах деревьев свистел ветер, несущий запах дыма.

Наконец, она перевела взгляд на босую ногу самца – та находилась в дюйме от ее локтя – и заметила, что ногти Семьдесят Второго обведены черными ободками.

Семьдесят Второй вцепился в ее плечо, и к Лире внезапно вернулось ощущение собственного тела.

– Давай! – повторил Семьдесят Второй. – Давай!

Лира задумалась. Может, он заикнулся или его мозг неправильно сформировался, как у Сиреневого Ручья, Гусиного Пуха и многих других?

Она схватила наволочку, валяющуюся на земле. От пыли ткань сделалась тускло-серой. Жестяная коробочка вылетела в грязь, но у Лире не было времени подбирать ее.

Семьдесят Второй не отпускал ее плечо, а она плохо соображала.

От звука, напоминающего барабанную дробь, у нее привычно екнуло сердце. Охранники часто от скуки стреляли по аллигаторам, которые чересчур близко подплывали к острову. Лира решила, что на берег, должно быть, выбрались аллигаторы... но они сгорели бы... или укрытия защитили бы их?

Спустя минуту они бежали мимо сломанного оборудования. Двигались они не к болотам, а туда, где бушевало пламя и раздавались крики. Пепел набился Лире в горло, и ей стало тяжело дышать. Ей не казалось странным, что они направляются в эпицентр пожара. Она видела в отдалении, за деревьями, подсвеченную пелену дыма, который повторял силуэты зданий, и понимала, что нужно отыскать медсестру и построиться в пары вместе с репликами. Им сразу скажут, что надо делать. Медсестры им помогут. Они все исправят.

И в этот миг Лира начала тосковать по тонометру и электронному термометру. Ей захотелось почувствовать давление манжеты на руку и ощутить вкус пластика во рту. Она мечтала о том, чтобы лечь на кровать номер двадцать четыре, прикоснуться к подоконнику, погладить рукой свое одеяло и простыни. Они пробежали мимо бочек из-под химикатов – они возвращались назад той же дорогой, по которой шла Лира, когда подыскивала тайник.

Но когда они добрались до места, откуда был виден институт, Лира притормозила. Неожиданно ей показалось, что пули, должно быть, пронзили ее, проделав дыру в животе. Она почему-то не чувствовала ног. Она не понимала, что видит. Кто-то словно разбил реальность вдребезги, а затем попытался собрать осколки и склеить их воедино, но получилось плохо.

Крыло А исчезло. Крыло В пылало. Языки огня вырывались из окон и с ревом плясали на покрытой гудроном крыше. Охранники бегали по двору и что-то неразборчиво орали.

В траве лежали трупы. Лира различила ортопедические туфли медсестер и пропитанные кровью халаты врачей. Руки погибших были раскинуты, похоже, все люди разом плюхнулись на землю, словно кинулись в воду. Издалека невозможно было отличить медперсонал от реплик, разве что по одежде.

У какого-то трупа оторвало ноги и унесло к берегу – Лира увидела, как волны плещут о куски плоти... а может, кто-то находился возле моря, когда произошел взрыв. Лира вспомнила про Кассиопею и ее коллекцию ракушек, и хотя она часто видела, как реплики умирали, к ее горлу подкатила тошнота.

«Рвотный центр расположен в задней части мозга».

Однажды услышала это от какой-то медсестры. Только не помнила, когда.

Но Семьдесят Второй направился не к безопасности, не медперсоналу и добрым, славным и внимательным Стеклянным Глазам, а к одной из сторожевых вышек. Теперь из других крыльев потоком текли люди: медсестры и доктора, плачущие или пребывающие в шоке. Они были покрыты толстым слоем сажи и смахивали на ожившие каменные изваяния.

Впервые в жизни Лира поняла, что они тоже перепуганы.

Значит, никто не планировал пожар. Никто не скажет им, что нужно делать.

Она обо что-то споткнулась: тонкая рука, зеленый пластиковый браслет на худом запястье. Самка, – догадалась Лира.

Реплику накрыло тяжелым листом кровельного железа, который швырнуло во двор при первом взрыве. Лира заметила, как пальцы сжались в кулак. Самка, кем бы она ни была, не погибла.

– Подожди, – пролепетала Лира, обратившись к Семьдесят Второму, и присела, пытаясь освободить девушку.

– Помоги! – сказала она, потому что Семьдесят Второй молча стоял и, прищурившись, смотрел куда-то вперед.

Он казался очень взбудораженным. Услышав Лиру, он нахмурился, но подошел, и вместе им удалось сдвинуть лист.

Лира увидела лицо реплики. Это оказалась Кассиопея. Она лежала на спине с искаженным от боли лицом. Левая нога Кассиопеи оказалась вывернутой под неестественным углом, ее штаны пропитались кровью из глубокой раны на бедре. Но Кассиопея еще дышала.

Лира присела и коснулась ее щеки. Кассиопея открыла глаза.

– Лира, – прохрипела она и закашлялась.

– Оставь ее, – заявил Семьдесят Второй.

– Ей нужен врач, – возразила Лира, закинула руку Кассиопеи себе на плечо и помогла ей сесть.

Ладонь Кассиопеи была мокрой и темной от крови. Вероятно, пострадала не только нога.

– Врачей уже нет. И Хэвена нет. С ним покончено, – произнес Семьдесят Второй. Лира ощутила прилив паники. Ей почудилось, что ее легкие постепенно заполняются водой – как во сне, когда она оказывалась в океане и не могла всплыть на поверхность.

Мира без Хэвена быть не могло.

Хэвен – это и есть мир.

Но теперь Хэвен горел: огонь перекинулся на крыло С, и волны жара доходили даже до того места, где находилась Лира, Кассиопея и Семьдесят Второй.

Люди продолжали кричать. Некоторые доктора ползали на четвереньках. Реплики стояли в строю на коленях, заложив руки за головы, удерживаемые охранниками с автоматами.

Лира ничего не понимала.

Она помогла Кассиопее встать. Девушка вспотела – и от нее ужасно пахло. Она навалилась на Лиру и двинулась через двор, прыгая на одной ноге и подволакивая другую. На середине пути Лира вдруг осознала, как же это странно – находиться физически так близко к кому-то. Они с Кассиопеей никогда не прикасались друг к другу, разве что случайно, когда умывались и делили вместе одну раковину на двоих. Даже когда они играли с новейшей культурой, трогали новорожденных моделей и щекотали их, они это делали лишь потому, что им так велели. Медсестра Эм как-то раз обняла Лиру за плечи, но Лира не могла вспомнить, почему. Правда, она не забыла, что потом долго трогала себя за плечо, пытаясь что-то почувствовать.

Да и доктор О’Доннел притрагивалась только ко лбу Лиры, когда та, к примеру, болела. Это походило на ощущение от манжеты тонометра, только сильнее. Лире захотелось плакать.

Сторожевая вышка пустовала. Запах гниющей рыбы и бурых водорослей доводил до безумия. Наверное, дым подчеркнул и усилил его. Лира, наконец, сообразила, куда они направляются: прямо под вышкой забор оказался поврежден. Он был немного приподнят над землей – то ли ураганным ветром, то ли дикими свиньями, которые до сих пор ночами бродили по острову.

Увидев, что Семьдесят Второй собирается подлезть под забор, Лира замерла. Ее пошатывало от жары, шума и пронзительных, почти звериных криков. Дыхание Кассиопеи напоминало звуки, издаваемые велосипедным насосом. Лира чувствовала, как сердце Кассиопеи стучит ей в спину и ребра, гоня кровь по хрупким венам.

Но где-то была дыра, пробой.

Рубашка сделалась тяжелой и теплой от крови.

Помогите, – подумала Лира, ни к кому конкретно не обращаясь. Она знала, что люди верят в Бога, который выручает их, но Бог ненавидел реплик, и Ему было все равно, выживут они или умрут – ведь не Он их создал. Их сделал доктор Саперштейн. Он – их Бог. Помогите. Теперь Лира хотела лишь одного: вернуться в крыло D, лечь на кровать в прохладной спальне и притвориться, будто ничего не случилось.

– Если ты останешься здесь, ты умрешь, – подытожил Семьдесят Второй.

Наверное, он прочитал ее мысли.

Однако он отпустил ее и, кажется, вообще не интересовался тем, последует она за ним или нет. Он пошел первым – проскользнул под забором ногами вперед.

Лира почувствовала знакомый запах чего-то сладковатого и горячего. Так всегда пахло в Похоронном Бюро. Это был запах крови. Поддерживая Кассиопею, она мельком оглянулась на институт. Спальни исчезли – так же, как и четкая остроконечная крыша крыла А. Сейчас на ее месте бушевали клубы дыма и яростные языки пламени.

Потребовалась целая вечность, чтобы Кассиопея выбралась наружу. Она вылезала с закрытыми глазами. Кожа у Кассиопеи пылала, девушка дрожала так, что Лира с трудом удерживала ее. Лире пришлось позвать ее по имени и еще по номеру, прежде чем Кассиопея откликнулась. Она то погружалась в забытие, то выныривала из него. В конце концов Семьдесят Второй наклонился и вытащил ее из-под ограды за руки. Травмированная нога Кассиопеи неловко подвернулась, девушка вскрикнула от боли, но, по крайней мере, очнулась.

– Что случилось? – повторяла она, ежась от озноба. – Что случилось?

Потом настала очередь Лиры. Но прежде чем она успела пролезть под забором, сзади раздался окрик. Ее заметили. Какой-то охранник в шлеме стремглав бежал к ней, и Лиру

загипнотизировал вид его ружья: ствол, диковинные рычажки и прицел. Она однажды видела ружье издали и не понимала, почему сейчас дуло направлено на нее. На долю секунды она вообразила, как пули с визгом, почти мгновенно преодолевают разделяющее их расстояние, а затем разрывают ее кожу и дробят кости.

– Стоять! – прогремел его голос.

Лира плюхнулась на живот и проскользнула в щель, зацепилась брюками за забор, дернулась и высвободилась. Охранник продолжал кричать, требуя, чтобы она вернулась, но Лира уже была на воле и снова помогла Кассиопее подняться на ноги. Она не могла объяснить, почему ей так страшно. Ей казалось, что в любое мгновение пули простучат по сетке забора и прострелят ее сердце.

Внезапно раздался очередной взрыв – пожар добрался до склада в подвале крыла В, забитого всяческими химическими пробами и медикаментами с пометкой «Огнеопасно». Столб зеленого пламени взметнулся на пятьдесят футов, и земля содрогнулась. Кассиопея поскользнулась и упала на землю. Лира споткнулась, Семьдесят Второй поддержал ее. Несколько мгновений их разделяли считанные дюймы. Лира опять вдохнула запах Семьдесят Второго, увидела красивую темную линию вокруг радужки его глаз и заметила, как его зрачки от света сузились до точки.

С неба посыпались обломки гранита и цемента – пара крупных кусков пролетела через забор и шмякнулась неподалеку от беглецов. Охранник рухнул на колени и прикрыл голову ладонями, и Лира решила, что это их шанс. Они с Семьдесят Вторым вздернули Кассиопею на ноги и двинулись вместе с ней напрямик в болота. Но Лира не представляла, что они будут делать с Кассиопеей. Она уже жалела, что взяла ее с собой. Но Кассиопея являлась номером Шесть. Как и Лира, она была Ген-3 – первое удавшееся поколение. Лира знала ее, сколько себя помнила.

Мутная вода оказалась теплее, чем она ожидала. Купы травы высотой по пояс росли между полосами густой грязи и приливными озерцами, в которых плавали трупы дохлых насекомых. Все это было ново и странно для Лиры. Слова и чувства, которых она прежде не знала, ощущения, напоминающие привкус крови во рту, и удушливая паника.

Года три назад реплик разбудил громкий крик. В полумиле от Елового острова, на болотах, аллигатор оторвал ногу какому-то мужчине. Бедняга дополз до забора, прежде чем охранники отпугнули рептилию стрельбой в воздух. Мужчину отправили вертолетом в ближайшую больницу. Медсестры позволили репликам встать с кроватей, чтобы посмотреть, как вертолет приземляется на территорию Хэвена. Его лопасти шумели, как у гигантской стрекозы, а поднятый им ветер пригнул серебристую траву...

А когда Лира была совсем маленькой, она видела, как аллигатор грелся на солнышке на каменистом берегу в южной части острова – в четырех футах от забора. Лиру поразила бугристая шкура, вытянутая морда и зубы, торчащие из пасти. Она помнила, как стояла там, обьятая внезапным стыдом: Бог создал это существо и любит кровожадное чудовище.

А вот ее Он не создавал.

Сейчас Лире казалось, что они бредут по бесконечным туннелям из грязи и травы. Знает ли Семьдесят Второй маршрут? Куда он вообще их ведет? Кассиопея всхлипывала. Дым до сих пор теснился в груди у Лиры: он превращал солнце в тусклый красный уголек, расплзался по небу и не давал Лире расплакаться. Хэвен остался позади.

Они находились за забором, на ничем не ограниченном пространстве, в мире аллигаторов и людей, которые ненавидели и презирали их. Они бежали прочь, отринув безопасное место, и Лира не понимала причины. Но тот охранник, который погнался за ней с ружьем... Он ведь намеревался выстрелить в нее, но не успел.

Но почему он хотел ее убить? С какой стати? Охранники – они для их защиты. Для того чтобы удерживать кошмары этого мира за забором и не пускать в Хэвен чужаков. Они должны беречь реплик.

Зато дым прогнал москитов, хотя рои песчаных мушек продолжали клубиться над водой: некоторые успели набиться Лире в нос, в рот и в глаза. Отсюда шум пожара казался странно мелодичным и напоминал ровный гул ливневого дождя. Небо приобрело жутковатый зеленоватый оттенок, и на землю падал пепел.

От усилий, требовавшихся, чтобы удержать Кассиопею на ногах, у Лире тряслись руки. Наволочка казалась невыносимо тяжелой. Кассиопея вцепилась в ее шею, и Лире стало трудно дышать. Иногда Кассиопея отключалась: ее мозг представлялся Лире скопищем ветвистых туннелей, вроде этого болота, которое пересекали водные протоки, то темнеющие, то снова светлеющие.

– Далеко еще? – выдавила Лира надтреснутым голосом.

Семьдесят Второй лишь мотнул головой. Лира знала, что у людей мужчины в принципе сильнее женщин. Может, и у реплик – то же самое? Он выглядел крепким – на спине и плечах бугрились мышцы, – хотя наверняка плохо питался со времени побега. Интересно, а где он брал еду? И почему он столь отчаянно стремился выбраться наружу? Может, он знает нечто такое, что неизвестно ей? А может, он просто свихнулся. Реплики и раньше сходили с ума, как Сириновый Ручей, потерявшая рассудок в момент тестирования и позабывшая разом все цифры и буквы, которые ей вдалбливали в голову. Еще была Пеппер, искромсавшая ножом свои запястья, и номер Двести Двадцать, которая перестала есть, и номер Тридцать Пять – она вообразила себя крысой и передвигалась исключительно на четвереньках. А если Семьдесят Второй – из их числа? Вдруг он верит, что они – звери и должны бегать на свободе?

В любом случае сейчас она, кажется, надорвалась. Кассиопея стала совсем тяжелой. При каждом вдохе Лире словно крюк в грудь всаживали. Она попыталась окликнуть Семьдесят Второго, но сил даже на это не хватило.

Поэтому она замедлила шаг и продолжила свой путь вместе с Кассиопеей. Лира продиралась через тростники и нащупывала опору в отмелях, напоминающих отпечатки огромных следов. В конце концов почва сделалась тверже, и Лира смогла сесть. К счастью, Семьдесят Второй понял, что она отстала, и был вынужден вернуться.

– Здесь небезопасно, – сказал он. Говорил он вполне разумно. Лира отметила про себя, какие у него темные глаза. Они поглощали свет, вместо того чтобы отражать его. – Мне надо тебя оставить, – добавил он через минуту.

– Ладно, – выдохнула Лира.

Однако он ее не оставил. Он принялся прокладывать путь через тростники, ломая стебли, если они сопротивлялись. Заросли были настолько высокими и густыми, что порой заслоняли небо.

– Ложись, – велел он, и Лира подчинилась.

Кассиопея уже вытянулась в грязи – губы синие, глаза закрыты: и от нее шел тот животный запах, который витал в Похоронном Бюро и который не могли вывести никакими моющими средствами. Теперь Лира разглядела, что в позвоночнике Кассиопеи поблескивает что-то металлическое. И ее мышцы были на виду, ободранные, пульсирующие кровью. Лира инстинктивно попыталась коснуться раны, но Кассиопея закричала, как будто ее кипятком ошпарили, и Лира отдернула руку: с ее пальцев капала кровь Кассиопеи. Лира не знала, как остановить кровотечение. Она вообще не могла сказать, как надо действовать в этом свободном мире. Она всю свою жизнь питалась в Кастрюле. Она слушалась медсестер и всегда спала с выключенным светом в общей спальне. Она тут не выживет. Зачем она последовала за самцом? Но кто-нибудь придет за ней. Обязательно. Кто-нибудь из врачей найдет ее, и они будут спасены. Она совершила ошибку, непростительную ошибку.

Ли́ра крепко зажмурилась и увидела крохотные взрывы, силуэты пламени, медленно плывущие над Хэвеном. Она снова открыла глаза. Кассиопея застонала, и Ли́ра потрогала ее лоб, в точности повторив жест доктора О’Доннел. От мысли о докторе О’Доннел у Ли́ры перехватило дыхание. Но почему?...

Во всяком случае, сама Ли́ра не знала объяснения.

Кассиопея продолжала стонать.

– Ш-ш-ш, – прошептала Ли́ра. – Все в порядке.

– Оно умрет, – ровным тоном констатировал Семьдесят Второй. К счастью, Кассиопея его не слышала. Или у нее не было сил отреагировать на его реплику.

– Это же она, – бестолково сказала Ли́ра.

– Значит, она умрет.

– Кто-нибудь придет за нами.

– Тогда она все равно умрет. Но помедленнее.

– Перестань, – насупилась Ли́ра.

Он пожал плечами и отвернулся. Ли́ра придвинулась к Кассиопее.

– Хочешь послушать историю? – спросила она.

Кассиопея не ответила, но Ли́ра начала рассказывать.

– Жила-была девочка по имени Матильда. Она оказалась очень умная. Умнее своих ужасных родителей.

«Матильда»⁶ являлась одной из первых длинных книг, которые читала ей вслух доктор О’Доннел. Ли́ра прикрыла веки и сосредоточилась. И опять увидела всполохи, но на этот раз заставила дым превратиться в буквы: они складывались в слова и летали по небу. Невероятно. Где-то вдалеке раздался механический стрекот, шум разрываемого воздуха. Вертолеты.

– Ее папа торговал подержанными автомобилями. Ему нравилось обманывать людей. А мама Матильды вечно смотрела телевизор.

«Безопасность», – подумала Ли́ра и представила себе, что «безопасность» пришпилена к облакам.

– Матильда любила читать, – продолжала она.

– Что ты там бубнишь? – поинтересовался Семьдесят Второй приглушенным и сердитым голосом.

Может, он боялся, что их услышат?

– Рассказываю ей историю, – пояснила Ли́ра.

– Но... – проговорил он и умолк. Ли́ра заметила песок, прилипший к его нижней губе, и пятна пыли на скулах. – Что за история?

– Это книга, – вымолвила Ли́ра. – Называется «Матильда». Мне ее читала одна из врачей, – добавила она после паузы.

Семьдесят Второй нахмурился.

– Ты врешь, – неуверенно произнес он.

– Нет, – заявила Ли́ра. Она решила, что Семьдесят Второй – урод с его слишком высоким лбом и чересчур густыми бровями, смахивающими на двух гусениц.

Правда, губы у него были как у девушки...

– У меня есть книга. Доктор О’Доннел дала ее мне.

Ли́ра задохнулась. Она запустила руку в наволочку, но там не было ничего, кроме папки и ручки. Книга пропала.

– Я тебе не верю, – фыркнул Семьдесят Второй. – Ты не умеешь читать. А врачи никогда... – Он вдруг оборвал фразу и уставился в небо.

– А мне без разницы, веришь ты мне или нет, – парировала Ли́ра.

---

⁶ Книга английского писателя Роальда Даля (1916–1990).

Она потеряла «Матильду», Лира оцепенела. Может, вернуться обратно?

– Она была здесь, и я...

– Нишкни! – скомандовал Семьдесят Второй, вскинув руку.

– Она мне нужна! – воскликнула Лира. – Доктор О’Доннел подарила ее мне, чтобы я могла упражняться!..

Неожиданно он зажал ей рот ладонью и рванул на себя. Лира начала вопить и брыкаться. Она чувствовала ухом тепло его дыхания.

– Пожалуйста, – взмолился Семьдесят Второй, и она сразу же угомонилась. Никто не говорил «пожалуйста» репликам. – Тихо.

Хоть Лира и перестала биться, он по-прежнему прижимал ее к себе, тяжело дыша в ухо. Лира чувствовала спиной его мускулы. У его пальцев был вкус болотной грязи и соли.

Пот скапливался между их телами. Жужжали насекомые.

Воздух начал рваться в пульсирующем ритме, подражающем биению сердца. Вертолеты приближались. Шум сделался оглушительным, и Лире захотелось втянуть голову в плечи. Ветер несся над болотом, пригибая траву и заляпывая ноги и лица беглецов. И когда звук достиг невыносимого крещендо, Лире показалось, что Семьдесят Второй что-то кричит. Он накрыл ее собой, защищая от ветра. А потом ослабил хватку, и Лира увидела, как дюжина вертолетов проплыла над болотами в сторону руин Хэвена. Через открытые двери виднелись вооруженные люди в шлемах и коричнево-сером камуфляже. Лира узнала в них солдат.

Лира, Кассиопея и Семьдесят Второй хранили напряженное молчание. Несколько вертолетов улетели, но позже вернулись. Лира подумала: а может, они возят пострадавших, как того мужчину, которому аллигатор оторвал ногу, и он надрывался в темноте, пока охранники подсвечивали воду выстрелами? Каждый раз, когда вертолет пролетал над головой, Лиру одолевало искушение подняться на ноги, выбраться из зарослей камышей и скрюченных деревьев и помахать солдатам. Но ее словно придерживала огромная незримая рука, и она продолжала лежать.

Наверное, все дело было в том, что лопасти вертолетов взбивали воздух со звуком, от которого у Лире ныли зубы. Кроме того, она не могла забыть об охраннике, который орал на нее с ружьем в руках. А еще рядом с ней был Семьдесят Второй.

В периоды недолгого затишья они слышали, как между собой перекликаются люди и как ревет на острове огонь. Голоса буквально зависали в едкой пепельной дымке, их несло в болота ветром, от которого саднило горло.

Однако через некоторое время Лира подумала, что пожар, должно быть, потушили, поскольку крики резко прекратились. И вдруг она осознала, что почти ничего не видит. Оказывается, свинцово-серое небо уже потемнело. Солнце садилось за горизонт, и Лире стало очень холодно.

Начался дождь, вскоре сменившийся краткой и яростной грозой. К тому моменту, когда она закончилась, солнце уже спряталось.

Кассиопея не шевелилась. Лира боялась, что прикоснется к ней и поймет, что Кассиопея мертва, но когда она все-таки решилась, то почувствовала биение пульса. Ночное небо озаряли огни снующих туда-сюда вертолетов, периодически над водой проносились громкие возгласы. Лира вспомнила про свою чистенькую кровать под третьим окном спальни и еле сдержалась, чтобы не разреветься. Вероятно, она задремала, потому что очнулась от кошмара, в котором фигурировали монстры с вытянутыми металлическими мордами.

Она почувствовала руку Семьдесят Второго на своих губах и тяжесть его тела сверху.

– Они прочесывают болота, – прошептал он ей в ухо. – Молчи. И не дыши.

Сердце Лире лихорадочно колотилось о ребра. Было так темно, что она едва различала Кассиопею, хоть та и лежала в нескольких футах от них. Но секунду спустя она увидела луч

фонаря, шарящий по высокой траве – крохотные солнышки вспыхивали и тотчас переносились в другое место. Еще она услышала голоса – не перепуганные и неразборчивые вопли, как раньше, а вполне деловитую и внятную речь.

– Сюда, парни. Тут кровь.

– Господи! Будто слизняк прополз.

– Ты соль прихватил?...

Лира задрожала. Но почему?... Она не могла объяснить. Похоже, она лишилась рассудка. Охранники на ее стороне, верно? Они удерживают чужаков и не подпускают их к забору. Они оберегают реплик. Но страх сдавливал ей горло. Это был ее шанс передумать, подать голос, быть спасенной.

Семьдесят Второй дернулся, и Лира промолчала.

– Одно есть! – воскликнул кто-то.

Свет вспыхнул снова, сверкнув на болотной воде. К говорившему подошли напарники. Лире отчаянно хотелось взглянуть на солдат. Но когда она начала приподниматься на локте, Семьдесят Второй толкнул ее на землю.

– Тихо! – прошептал он. Лира различила смех солдат, новые слова, наполовину унесенные ветром.

– Понесем?...

– А смысл... мертвое...

– Сказали... тела не оставлять...

– А выглядит как настоящая...

Лиру затопил бездонный холод. «А выглядит как настоящая». Неужто солдаты нашли мертвую реплику и теперь удивляются, отчего она похожа на них, если посветить на нее фонарем, – будто речь шла о механической игрушке или кукле на шарнирах. Лира представила себя в виде пазла – она видела такой в комнате отдыха медсестер, – искусно сделанный, аккуратно собранный, но полный щелочек, видимых всем и каждому. Возможно, у людей есть незримое, но принципиально важное свойство, которое ей просто не дано от рождения?

Солдаты приближались. Они остановились у кромки воды. Теперь Лира не сумела бы заплакать, даже если бы и хотела. Легкие заledenели в грудной клетке. Она стиснула челюсти, чтобы зубы не стучали.

– Видите, еще кровь?...

У Лир перестало биться сердце. Они совсем рядом. Их фонарики шарят по траве. Достаточно ли хорошо они спрятались? Вдруг их заметят?

– Посматривай за крокодилами. Болото ими кишит.

– Давайте назначим Джонсона закуской.

Взрыв хохота. Лира зажмурилась. Уходите, подумала она, хотя до сих пор не была уверена, правильно ли это.

Лишь в одном она не сомневалась: сейчас она точно не хочет, чтобы солдаты увидели ее. Нет, нет, нет.

Уходите.

Внезапно раздался судорожный всасывающий звук, будто вода пыталась пробиться через засорившийся сток. На мгновение Лира оказалась сбита с толку. Она не понимала происхождение жуткого звука. Но потом она поняла, что это Кассиопея пытается заговорить.

– Помогите.

Жидкость в легких исковеркала голос, сделав его неузнаваемым.

– Кассиопея, нет! – прошептала Лира.

От страха ей стало дурно. И она уже опоздала. Солдаты замолчали.

– Помогите! – чуть громче выкашляла Кассиопея.

– Туда! – Один из солдат ломился через камыши в их сторону, и болото наполнилось вспышками света и возгласами. – Там кто-то есть.

– Оставь ее! – прошипел Семьдесят Второй.

Сейчас Лира не сопротивлялась и не спорила. Семьдесят Второй пополз в гущу травы. Лира – за ним, спеша и отчаянно извиваясь. Пока они забивались поглубже в заросли, земля содрогалась под тяжестью солдатских ботинок. Сосновые иголки царапали Лире лицо и руки и оставляли отметины на коже. От страха Лира не решалась обернуться. Она была уверена, что солдаты услышат шорох травы, однако те громко перекликались на каком-то непонятном Лире жаргоне и не обращали на другие звуки внимания.

Внезапно деревья расступились, и открылась полоса взбаламученной грязи и воды: они добрались до очередного протока. Здесь болото становилось жидким. Семьдесят Второй первым скользнул в воду, а Лира нырнула рядом с ним за миг до того, как луч фонарика скользнул по тому месту, где она только что находилась. Лира погрузилась по подбородок и невольно ахнула. Она испугалась, что теперь-то солдаты наверняка услышали ее, и потому погрузилась в воду еще на дюйм. Лучи света продолжали шарить по местности, как чьи-то огромные глаза.

Двенадцать дюймов до нее, десять...

– Вот и следы! – сообщил какой-то солдат, с треском продираясь сквозь заросли и пинком отправив в сторону хилые ветки, попавшие в пятно света. Лира поняла, что им конец. – Тут кто-то прополз!

Луч фонаря передвинулся еще ближе к воде. Он был настолько близко от ее носа, что Лира подалась назад.

– Нашел!

Яркий кружок замер. Если бы он был зверем, то мог бы лизнуть Лиру за подбородок. Однако солдат на берегу развернулся и направился обратно.

– Мертвое или живое?

– Живое!

– Что-то не похоже.

Сколько их? Трое? Четверо? Трудно сказать. Сколько их всего – здесь, в болотах, с их фонарями, ботинками и ружьями?

– Помогите, – прохрипела Кассиопея.

– Господи Иисусе! Смотрите-ка, везде кровь! У нее, никак, пуля в спине.

– И в груди тоже. До исходного состояния это уже нипочем не восстановишь.

– Еще бы! Знаешь, как дорого они стоят? Нужна не одна сотня тысяч.

Что-то скользкое и тяжелое мазнуло в воде по руке Лире, и она едва сдержала крик. Может, вокруг них кружат аллигаторы или змеи со скользкими черными туловищами и ядовитыми клыками?

Высоко над ними в идеально чистом небе холодно поблескивали звезды.

– Черт! Ладно... На раз-два – взяли?

– Ты чего, сдурел? Видишь, кровь? Зараза ведь именно так и распространяется.

– Только если съесть кусок. Ты голодный, парень?

Снова смех. Да, их точно трое, если не больше. Впервые в жизни вязкое темное чувство зашевелилось у нее в душе. Лира ненавидела солдат. За то, что они способны смеяться, и за то, что они боятся прикоснуться к Кассиопее. Ненавидела их непринужденную болтовню.

Может, она сама и выглядит как человек, но одновременно с этим – не естественно-рожденная. Она – номер Двадцать Четыре.

Ненависть рассеялась столь быстро, как и накатила. Лира замерзла и измаялась. Она боялась. У нее не было сил злиться.

По крайней мере, солдаты собрались уходить. Они решили оставить Кассиопею.

– Оно почти мертвое, – бросил кто-то. – Ее подберут с утра санитары. – Послышались глухие удары – ботинком по телу. Лира погрузилась в воду еще на дюйм, пыталась избавиться от этого звука.

Будь здесь аллигаторы, они могли бы отгрызть Лире ноги, а она бы и не заметила. Или, может, она уже лишилась конечностей, и сейчас ее оглушала физическая боль?

Мысль оказалась настолько ужасной, что показалась ей забавной. Вдруг она сейчас стоит на двух культиях и поливает болота кровью, как Кассиопея?

– Порядок. Они ушли, – произнес Семьдесят Второй.

Тьма смягчила его резкие черты.

Неожиданно Лира поняла, что она хохочет и дрожит. Солдаты убрались восвояси.

Болота стали тихи и недвижны, не считая очередного вертолета, пролетевшего в отдалении к Бэрел-Ки. Лира выбралась из воды следом за Семьдесят Вторым, поскользываясь на грязи.

– А если они вернуться? – спросила Лира, сотрясаясь от озноба.

Хотя разве сейчас было холодно? Вон Семьдесят Второй совсем не мерзнет, да и медсестры вчера жаловались на удушающую жару. Вероятно, у нее просто что-то застряло в груди внутри и засело так же крепко, как металлическая пуля в позвоночнике Кассиопеи. Лире захотелось посмотреть на Кассиопею, убедиться, что та мертва.

Но она слишком устала.

– Они не вернуться, – заверил ее Семьдесят Второй. – Они закончат обыскивать болота и улетят. Во всяком случае, пока. Ложись, – добавил он.

Лира послушалась. Она вымоталась и даже не отстранилась, когда он устроился на земле рядом с ней. Вскоре Лира задремала и уже тонула в путаном жидком сне. Когда он приобнял ее, она вздрогнула и проснулась.

– В человеческом теле – куча нервных клеток, – пробормотал Семьдесят Второй, не отпуская ее.

– Знаю, – успокоившись, отозвалась Лира. – Десять триллионов.

И она снова заснула. Ей приснились десять триллионов нервных клеток: они светились, как звезды, в красном пульсирующем небе.

Глава 9

Лира проснулась разгоряченная и вспотевшая из-за сна, который не запомнила. Запах дыма стал слабее. На щеке коркой засохла грязь. Вчерашний шок миновал.

Лира мгновенно осознала, где находится, но не могла понять, что выдернуло ее из сна. Хотя что-то ведь разбудило!

Лира села и потрясла головой. Который час? Тело ныло. Судя по всему, было далеко за полночь. Рядом с ней лежал Семьдесят Второй. Он сопел, положив под голову сложенные ладони и приоткрыв рот. Во сне он казался намного младше.

Еще до того, как Лира услышала шаги, она поняла, что поблизости кто-то есть. Наверное, эти звуки и разбудили ее. Лира схватила Семьдесят Второго за руку, и он проснулся в тот самый миг, как она услышала девичий голос.

– Что теперь? Думаешь, мы можем подобраться...

Внезапно воцарилась тишина. Лира испуганно замерла. Неужели она подняла такой шум?

Должно быть, солдат опять послали прочесывать болота. Однако девушка вроде бы говорила не как солдат, да и двигалась по-другому. Люди с оружием в руках всегда шли напролом. А эти чужаки – причем Лира не сомневалась, что рядом находятся естественно-рожденные, а не реплики, – изо всех сил старались быть незаметными.

Похоже, они тоже боялись, что их засекут.

Кто они такие? Что им нужно?

Семьдесят Второй настороженно прислушивался. Чужаки, кем бы они ни были, затаились неподалеку от скрюченных деревьев – на болотах такие росли повсюду. Медсестра Даже-и-не-думай говорила, что они приносят несчастье. Лире и Семьдесят Второму нужно было уходить. Лира попыталась сесть на корточки, и веточка предательски хрустнула под ее весом.

– Не шевелись, – прошептал Семьдесят Второй.

Но было поздно: через секунду до Лире донесся треск кустарника. В темноте звуки сбивали с толку, и Лира не понимала, что происходит.

А если их уже обнаружили?

– Кто здесь? – крикнул Семьдесят Второй.

Ответа не последовало. Лира встала, вслепую рванула в сторону и поскользнулась в грязи. Дыхание ее стало хриплым, а движения судорожными. Пятку пронзила боль. В болотах полно кусачих созданий. И растения, и животные могли цапнуть в любую минуту. Это мир существ, стремящихся пустить кровь. На мгновение Лира подумала, что звезды слишком высоко мерцают над головой, и осознала, как до них далеко и как они равнодушны.

Некуда идти, некуда бежать. За пределами Хэвена она была ничем, существом без прошлого и без будущего.

Какие-то тени метнулись слева от нее. Что-то тяжелое ударилось о землю, и раздался девичий возглас.

Лира застыла. Она побежала прямо на чужаков, а не от них!

– Боже милостивый!

– Тот голос – оттуда он шел? – спросила девушка из чужаков.

– Понятия не имею! Господи, Джемма! Вон там, на земле...

Лира услышала сдавленный кашель, словно кто-то пытался сдержать рвоту. Явное свидетельство побочных эффектов успокоило ее. Вероятно, она ошиблась. Что, если по болотам бродят реплики, сбежавшие, как и она сама? Лира медленно двинулась вперед, разводя

руками заросли камышей. Вскоре она увидела два силуэта: мужской и женский. Парень вроде бы прижимал руку ко рту, а девушка сидела на корточках возле него и скулила.

– Что еще за черт? – повторял парень.

Луна вышла из-за облаков и осветила их лица. Забыв про страх, Лира бросилась прямо к ним.

– Кассиопея! – вырвалось у нее.

Она чувствовала себя потрясенной и обескураженной. Конечно, девушка не могла быть Кассиопеей, равно как и никем из ее генотипа, с Седьмой по Десятую. Кассиопея умерла, ну а ее версии не могли похвастаться ни мягкими каштановыми волосами, ни красивыми ладными фигурами, как у «оригинала». Внезапно Лира замерла: она увидела, что около девушки лежит труп. Лира различила тонкие лодыжки, браслет на узком запястье, темную кровь на рубашке... Кассиопея. Однако у девушки, сидящей на корточках, было лицо Кассиопеи, ее аккуратный носик и веснушки. Значит, она из того же генотипа, что и Кассиопея, Гусиный Пух, Тайд и Чамин. Но откуда она все-таки взялась? Неужели реплик делают где-то еще? Никаких иных правдоподобных объяснений ей и в голову не приходило.

Парень попятился, как будто боялся, что Лира может наброситься на него. Девушка – реплика Кассиопеи, полностью идентичная ей, не считая лишних килограммов и волос длиной до плеч, ошеломленно уставилась на Лиру. Ее рот непроизвольно открылся в безмолвном крике.

В конце концов, реплика Кассиопеи сказала:

– Боже мой! Кажется... это одна из них.

– Кто ты такая? – с трудом выговорила Лира. – Откуда ты взялась?

– А ты кто такая? – спросил, в свою очередь, парень.

У него было красивые правильные черты лица, и Лира обнаружила, что ей легко смотреть на него.

– Лира, – произнесла она, поскольку решила, что врать не имеет смысла. И уточнила: – Номер Двадцать Четвертый.

Откуда бы они ни явились, у них тоже должна существовать система номеров. Но они оба удивленно заморгали. Лира пожалала плечами. Она почувствовала себя неуютно, словно перенеслась в прошлое, когда пыталась читать и глазела на шифр букв, а ряды колючих зловердных значков упорно хранили свой смысл под замком.

– Боже мой! – воскликнула девушка в ужасе. – Еще один!

Лира обернулась и обнаружила, что Семьдесят Второй выступил на прогалину с ножом в руке. Конечно, он украл его на кухне Хэвена, и Лира очень сомневалась в том, что лезвие у ножа острое... но ведь чужаки не знали об этом.

Парень тотчас выставил руки вперед. Он, похоже, занервничал. На долю секунды он напомнил ей медсестер – как они смотрели на реплик сощурившись, и ей на миг захотелось, чтобы Семьдесят Второй сделал чужаку больно.

– Послушай! – начал парень и облизнул нижнюю губу. – погоди минутку. Остынь.

– Вы кто такие? – рявкнул Семьдесят Второй и встал рядом с Лирой.

Она не могла сказать, о чем он сейчас думает. Лицо его, такое открытое во сне, опять замкнулось, а Лира никогда не умела понимать настроение и чувства других. Ее никогда этому не учили.

– Никто, – ответил парень и помог девушке встать.

Лира заметила, что на ней – вполне нормальная одежда. Такие вещи, кажется, носят люди.

Кто же они? Теперь Лира вообще перестала ориентироваться в ситуации.

– Мы не желаем вам зла. Честно. Меня зовут Джейк Витц. А это – Джемма. Мы заблудились в болоте.

Ли́ра запуталась еще сильнее.

– Но... – Она впервые встретилась с девушкой взглядом. Вот на нее-то как раз и оказалось тяжело смотреть: ведь несчастная Кассиопея недавно умерла и лежала на земле между ними. Кто заберет ее тело? Кто укутает ее для сожжения? – Кто тебя сделал?

– Что? – прошептала девушка.

– Кто тебя сделал? – повторила Ли́ра. Она никогда не слышала о других местах, подобных Хэвене, и внутри у нее зашевелилась робкая надежда, как будто крепко запертую дверь в ее душе приотворили.

А вдруг существует какой-нибудь институт типа Хэвена, куда они смогут попасть? Тогда люди будут заботиться о них, как и в Хэвене. Ли́ра будет в безопасности за высокими неприступными стенами. Чужаки никогда не проникнут за забор.

– Я... я не понимаю, – пробормотала девушка. Глаза ее расширились, и в них отразилось практически все ночное небо.

– Ты – реплика, – нетерпеливо пояснила Ли́ра.

Девушка соображала гораздо хуже Кассиопеи. Ничего, Ли́ра была в курсе, что такая заторможенность – обычное дело. Она вспомнила про Сиреневый Ручей – сейчас та, наверное, тоже мертва. И про Сто Первую, которая не успела научиться пользоваться вилоккой.

Сколько еще реплик сгорело заживо?

– Что? – переспросила девушка.

– Реплика, – произнесла Ли́ра.

Девушка помотала головой. Должно быть, там, откуда она пришла, их называли совершенно по-другому.

– «Организм, происходящий от общего предка или генетически идентичный ему», – процитировала Ли́ра фразу из методички.

– Клон, – выдавила девушка, пристально глядя на Ли́ру, и сузила глаза.

Ли́ра почувствовала себя так, словно она лежала на диагностическом столе, и отвела взгляд.

– Джейк, она имеет в виду клон.

– Точно, – быстро откликнулся парень и состроил недовольную гримасу.

Может, зрелище мертвого тела Кассиопеи оскорбляло его?

Внезапно Ли́ре захотелось наклониться и прикрыть Кассиопеи веки. Странно, откуда взялось это желание? Вероятно, кто-то из медсестер однажды упомянул, что люди хоронят своих мертвецов в определенной позе и с закрытыми глазами. В Хэвене реплик просто сжигали или выбрасывали.

– Но это невозможно и незаконно! – пронзительно выкрикнула девушка. – Нет! Такой технологии не существует!

Терпение Ли́ры лопнуло. Либо девица страдает от побочных эффектов, либо она изначально была беспросветной тупицей – неспособной нормально развиваться.

– Неправда, – возразила Ли́ра. – В Хэвене жили тысячи реплик.

– Господи! – вырвалось у парня, и он зажмурился. Лицо его напоминало вторую луну – оно стало настолько бледным, что от кожи парня буквально исходило свечение. – Клоны. Теперь ясно...

– Ты что, свихнулся? – Девушка развернулась, прикрыв рот ладонью, и яростно затрясла головой. – Здесь – мертвая девушка! У нее – мое лицо! – выпалила она и сглотнула. – Мы застряли в болоте, сейчас глубокая ночь, а они... они нам заявляют, что вокруг бегают тысячи клонов!

– Джемма, перестань! Нам всем нужно успокоиться.

Парень говорил нарочито громко, может, хотел утихомирить не только девушку, но и Семьдесят Второго, и саму Ли́ру?

– Не мог бы ты положить эту штуку? – обратился он к Семьдесят Второму, который продолжал держать нож. – Пожалуйста. Мы не причиним вам вреда.

Неожиданно Лиру настигло головокружение. Она присела и уперлась лбом в колени. Мозг заполнила жаркая, липкая тьма, вращавшаяся, как туча moskitov.

– Что с ней? – откуда-то издалека до Леры донесся голос девушки.

Вероятно, Семьдесят Второй ей и ответил, хотя сама Лира ничего не услышала.

– Эй! – Спустя минуту Лира поняла, что девушка оказалась возле нее. – Что с тобой?

Она положила руку на плечо Леры, но та вздрогнула и, открыв глаза, отшатнулась. Она привыкла, что к ней прикасаются, проделывают с ней медицинские процедуры, даже вскрывают скальпелем и колют иглами. Но это прикосновение ощущалось иным, интимным, почти постыдным, как тот момент, когда медсестра Даже-и-не-думай застала ее в уборной с горстью отбеливателя – Лира пыталась смыть с трусиков первую месячную кровь.

Лира потеряла дар речи. Она боялась, что если откроет рот, то ее вырвет. Девушка встала и отошла, а Лира едва не пожалела о том, что отстранилась. Но она не хотела, чтобы ее трогали чужаки – да и вообще кто-либо еще... Лучше избегать лишних прикосновений.

Разве что... Лира вспомнила, как задремала, изнуренная, на земле, как звезды над головой слились в расплывчатое яркое пятно, провожая ее в сон. Тогда она совсем не возражала против согревающих объятий Семьдесят Второго. Но в те минуты она чувствовала себя измученной и переживала шок. Она нуждалась в ласке. Мир за забором оказался незнакомым и пугающим, и ей было приятно ощущать тепло Семьдесят Второго.

– Может, она голодна? – предположил парень.

Лира не проголодалась, но она промолчала. К счастью, ее тошнота немного унялась. Странно. Она лишь порой приливалась толчками и била в голову. Лира продолжала сидеть. У нее не было сил встать. Впрочем, ее страх куда-то улетучился. Разумеется, чужаки пришли не за тем, чтобы убить их или забрать их куда-нибудь в другое место.

И вдруг Лире отчаянно захотелось, чтобы они убралась восвояси. Она не понимала девушку, которая была репликой: та даже не догадывалась о своем происхождении! И этот парень... Кто он такой, и что связывает их обоих?

Семьдесят Второй шагнул вперед.

– У вас есть еда?

Парень покосился на девушку из генотипа Кассиопеи, и та нетерпеливо махнула рукой. Парень скинул с плеч рюкзак и присел, чтобы растянуть его. Лире никогда прежде не представлялось возможности наблюдать двух самцов, которые бы находились настолько близко друг от друга. Она заметила, что парень движется не так, как Семьдесят Второй, а иначе. Все его жесты были замедленными, словно у него болели мышцы.

Семьдесят Второй всегда двигался со стремительностью, заставлявшей думать о нападении.

– Извините, мы не взяли слишком много.

Семьдесят Второй сделал вперед еще один осторожный шаг. Он схватил батончик и бутылку с водой, зубами вскрыл обертку батончика, выплюнул пластик и начал есть. При этом он не отводил взгляда от Джейка. Лира поняла, Семьдесят Второй опасается, что парень может попытаться забрать еду и питье обратно.

Но пока Джейк мирно наблюдал за ним и молчал.

Семьдесят Второй открыл бутылку, выпил половину воды и передал бутылку Лире, не сводя глаз с Джейка.

– Пей, – буркнул он. – Тебе будет лучше.

Лира не понимала, до чего у нее саднит в горле, пока не начала пить, смывая привкус пепла и пожара. Хоть бы Джейк и реплика Кассиопеи ушли, и она могла снова лечь спать!

Однако ее очень тревожило кое-что еще – что принесет им утро, когда они окажутся одни на болоте – есть нечего, пить нечего, идти некуда...

– Послушайте. – Парень обратился к Лире. Вероятно, решил, что с ней проще договориться. Наверное, он не забыл, что у Семьдесят Второго – нож. – Вы, должно быть, устали – вы прошли через все это... правда, я толком и не представляю, что конкретно вы пережили.

– Джейк! – укоризненно перебила его реплика Кассиопеи.

– Джемма, они из Хэвена, – выпалил парень. – Мой отец умер ради этого. Я должен знать.

Слово «отец» вызвало у Лире дрожь в хребте, как будто ей постучали между позвонками. Значит, Лира не ошиблась на его счет. Он – естественнорожденный.

– Джейк, нет! – Реплика Кассиопеи (парень сказал, что ее зовут Джемма, теперь-то Лира запомнила ее имя) выглядела и говорила, как одна из медсестер. Джейк насупился и замолчал. – Поверить не могу! Несчастные люди прошли бог весть через какие испытания, они изголодались, замерзли, им некуда деваться, а ты хочешь взять у них интервью?!

– Джемма, мне надо понять, – упрямо заявил Джейк.

Лира приложила к бутылке и сделала глоток воды, не обращая внимания на саднящее горло.

– Не люди, – поправила она Джемму.

Девушка была добра к ним, и Лира подумала, что нужно исправить ее ошибку.

Джемма повернулась и уставилась на Лиру.

– Что?

– Мы не люди, – объяснила ей Лира. – Ты сказала «несчастные люди прошли бог весть через какие испытания». Но мы – не люди. Мы реплики. Бог нас не создавал. Нас сделал доктор Саперштейн. Он – наш бог.

Лира удержалась и не поставила ей на вид, что Джемму тоже кто-то должен был сделать, даже если она об этом и не осведомлена.

Джемма продолжала смотреть на нее в упор, пока Лира не покраснела и не принялась буравить взглядом собственные руки. Может, она что-то глупое сболтнула? Но она же сказала правду. По крайней мере, именно это всегда говорили репликам и врачи, и медсестры.

Спустя некоторое время Джемма нарушила тишину.

– Пожалуй, нам всем надо отдохнуть, – мягко произнесла она – и на мгновение Лира услышала в голосе интонации доктора О’Доннел. – А утром мы вернемся обратно.

– Мы никуда с вами не пойдем, – проворчал Семьдесят Второй.

Лира удивилась, услышав «мы». Что еще за «мы»? Может, он перепутал эти понятия, как и Лира? Она часто терялась в местоимениях «я» и «оно».

– Конечно, – сказала Джемма. – Вы не обязаны никуда с нами идти. Все зависит исключительно от вашего желания.

– С чего бы это?... – огрызнулся Семьдесят Второй. Сейчас он выглядел состоящим сплошь из острых углов, как будто его высекли из камня.

Лира уже не понимала, уродлив он или нет. Его лицо продолжало меняться, и всякий раз, когда свет падал иначе, Лира видела кого-то иного.

Реплика Кассиопеи скрестила руки на груди.

– Вам нельзя здесь оставаться. У вас нет ни денег, ни документов. Вы вообще могли не появиться на свет. Но теперь вас будут разыскивать.

Джемма оказалась права. «Вы вообще могли не появиться на свет». Лира ощутила истину в словах Джеммы, хотя и не совсем поняла смысл ее высказывания. Ведь охранники и забор хранили реплик в безопасности и в тайне от остального мира, верно?

«Вы вообще могли не появиться на свет». Но разве не то же самое им всегда твердили медсестры, что они – чудовища и мерзость? Только медсестра Эм и доктор О’Доннел говорили про них другое. Но они обе давно ушли.

В конечном итоге уходили все.

– Можно мне еще воды? – попросила Лира, и после ее вопроса обстановка перестала быть напряженной.

Правда, Семьдесят Второй повернулся и посмотрел на нее. Лира не сумела догадаться, что означает выражение его лица. Она безумно устала и не могла беспокоиться из-за Семьдесят Второго, из-за его мыслей. Хватит ей думать о том, правильно ли они сейчас поступают!

Чужаки не захотели спать рядом с мертвой Кассиопеей. Они решили обустроиться на ночлег в зарослях камышей, неподалеку от которых росли скрюченные деревья в пятнах птичьего помета. Очевидно, труп наводил на них ужас. Лира искренне недоумевала, почему. Ей нравилось находиться рядом с Кассиопеей. Это умиротворяло. Она могла вообразить, что вновь очутилась в Хэвене и они с Кассиопеей лежат на разных койках, разделенные узким проходом.

Джемма предложила ей попробовать газировку. Лира никогда прежде не пила содовой. В Хэвене торговые автоматы предназначались исключительно для персонала, хотя иногда медсестры жалели кого-нибудь из младших реплик и давали им монетки – поиграть. Их можно было катать, подбрасывать или менять на какую-нибудь ерунду. Сперва Лира решила, что газировка чересчур сладкая, прямо-таки приторная. Но через несколько секунд она почувствовала себя лучше, и ее почти перестало тошнить. И руки тоже стали меньше дрожать.

Джемма отыскала на дне рюкзака Джейка чистую толстовку и предложила ее Семьдесят Второму, но тот сердито покачал головой. Поэтому ее взяла Лира, хотя толстовка и была ей велика. Она натянула ее поверх своей грязной рубашки и с облегчением вздохнула. Ей сразу стало тепло, вдобавок ее успокаивало то, что толстовка оказалась чистой и приятной на ощупь. От нее пахло стиральным порошком, которым пользовались в Хэвене. После стирки простыни делались жесткими и хрусткими, как бумага. Но толстовка не была жесткой – как раз наоборот!..

Лира свернулась клубком, и Семьдесят Второй тотчас плюхнулся на землю рядом с ней.

– Я им не доверяю, – прошептал он, глядя туда, где парень с девушкой обустроивали стоянку и спорили из-за того, кто возьмет себе рюкзак вместо подушки. – Они не такие, как мы.

– Нет, – пробормотала Лира, еле ворочая языком.

Похоже, ее мозг распух, как будто его тоже закутали в мягкую ткань. Лира хотела сказать: «Мы не существуем. У нас нет выбора». Но стоило ей нащупать нужные слова, как нить, связывавшая ее мысли воедино, лопнула, и Лира провалилась в бездонную тьму.

Лиру разбудил шорох. Сперва ей показалось, что она спала всего минуту, но она тут же нервно дернулась и широко распахнула глаза. Потом рывком села и увидела, что Семьдесят Второй держит в руке нож.

Девушка по имени Джемма стояла прямо над ними. В кратком замешательстве, прежде чем оковы сна окончательно разомкнулись, Лира приняла ее за Кассиопею.

Она даже ощутила прилив какого-то непонятного сильного чувства.

– Все в порядке, – произнесла девушка. – Я – Джемма. Помнишь?

Семьдесят Второй нехотя опустил нож. Лира подумала, что ему, наверное, приснился кошмар. Он был бледен. А они опять проснулись бок о бок. Интересно, он тянулся к ней посреди ночи? Ради тепла. Лира знала, что у спящего температура тела понижается в сред-

нем на градус. Вот очередная информация, которую она однажды слышала от медсестер и запомнила.

– На острове еще есть люди, – сказала Джемма. – Они жгут то, что осталось от Хэвена.

– Ты их видела? Ты подбиралась ближе? – спросил второй чужак, Джейк, который, как выяснилось, тоже проснулся.

Он уже стоял около Джеммы, приглаживал волосы. Лиру всегда зачаровывали волосы – ее, как и других реплик, брили каждую неделю, – и на миг зрелище ниспадающих на плечи прядей загнипнотизировало ее.

– Тебе следовало разбудить меня. Это небезопасно.

Лири недоуменно заморгала и встала, невзирая на то, что ноги ее превратились в студень и держали плохо. Небо начало светлеть.

– В каком смысле – они жгут то, что осталось от Хэвена? – спросила она.

– В прямом, – ответила Джемма.

Лиру захлестнули воспоминания. Запах Кастрюли поутру и солнечные зайчики на линолеуме. Дорожки во дворе, с кляксами птичьего помета. Медицинский запах тампона на ее руке и укол иглы. Медсестра, бормочущая, что показатели пока еще в норме.

Ее друзья, тонометр и термометр, и даже Стеклообразные Глаза, которым никогда нельзя было доверять полностью, – все они исчезли. Воспоминания всплывали в голове и ощущались почти физически. Койка с ее номером, прикрепленным к стальному изголовью. Душевые головки, выстроившиеся в ряд. Пар, пахнущий мылом, эхо десятков голосов. День стирки и вывоза мусора, печальные гудки отплывающих катеров. А еще то, что она ненавидела: шприцы и бумажные пакетики с таблетками и витаминами. И конечно, медсестры, насмехающиеся над репликами или, хуже того, ведущие себя так, словно они их боятся.

Но Хэвен был ее домом. Она принадлежала Хэвену.

– То есть возвращаться некуда? – Пока этот вопрос не сорвался с ее губ, Лири не вполне осознавала, что в глубине души ее поддерживала мысль о Хэвене.

Значит, она верила, что все это пройдет – и взрывы, пожар, и солдаты с ружьями, которые кричали: «Нашел!», а затем добавляли: «Знаешь, как дорого они стоят?».

Да, похоже, она действительно так думала. Лири отчаянно надеялась на то, что реплик спасут, соберут вместе и вернут в Хэвен, и Семьдесят Второго тоже. Врачи проведут стандартный медосмотр. А чуть позже им выдадут таблетки: аккуратную белую Ш-ш-ш от боли и крупную круглую Соню, от которой мир заволакивало дымкой. И вернется нормальная жизнь.

– Возвращение невозможно, – произнес Семьдесят Второй.

Сейчас он говорил менее резко, чем накануне. Может, ему стало жалко Лири?

– Они убьют нас, если найдут. Они сделают это в любом случае.

Лири отвернулась. Она не хотела слушать. Да, охранников и солдат обучали убивать. И ей никогда не нравились ни врачи, ни медсестры, ни ученые, ни суррогатные с их невнятной речью. Но она не сомневалась в одном: Хэвен существует, чтобы защищать реплик. Доктора пытаются спасти их от рака, разрушающего ткани их легких, печени и мозга. Ученые стараются придумать лекарства от болезней, извращающих их физиологию и заставляющих пищу двигаться в обратном направлении, или легкие – тонуть в произведенной ими же жидкости.

Побочные эффекты. Процесс создания реплик до сих пор несовершенен. Если бы не врачи, Лири и Семьдесят Второй умерли бы много лет тому назад, еще во младенчестве, как скончалось сотни других реплик. Ведь вся желтая культура погибла!..

Лири помнила, как крохотные тельца аккуратно упаковали в пластиковые мешки – каждый был не больше буханки хлеба. Этот груз увезли на катере, чтобы сжечь дотла и развеять пепел в океане.

– Пора убираться отсюда. Теперь рассвело, и на болота пошлют патрули. Они будут искать выживших, – негромко произнесла Джемма.

Лира услышала в ее голосе привычные успокоительные нотки. Так всегда говорили медсестры, когда чего-то хотели добиться от реплик. «Дыши глубже, сейчас капельку пощиплет».

– Пойдемте с нами. Мы дадим вам одежду и спрячем в укромном месте. Вас точно не обнаружат. А потом вы сами поймете, что вам делать. Мы вам поможем.

– Ладно, – согласилась Лира, потому что Семьдесят Второй уже открыл рот, а ей надоело, что за нее говорят.

Пусть он перестанет решать за нее! Семьдесят Второй – не врач! У него нет никакого права командовать ею!

Конечно, сначала она последовала за ним, но у нее не было выбора. И раз уж так получилось, то теперь ей нельзя падать духом.

Кроме того, Лира считала, что Джемма не желает им зла, хотя и не могла объяснить причину своей осведомленности. Возможно, все дело было в том, что Джемма являлась репликой Кассиопеи, хотя Лира и понимала, что думать таким образом просто глупо. У реплик одного генотипа частенько были абсолютно разные личности. Например, номер Сто Двадцать пыталась задушить реплику своего же генотипа, когда та спала, поскольку хотела быть единственной настоящей. Уникальной. Кассиопея была добра к Лире, зато Каллиопе нравилось убивать. Однажды она на глазах у Лире задушила птичку. А Сто Двадцать Первая, кажется, вообще была немая от рождения.

– Ладно, мы с вами, – повторила она погромче, когда Семьдесят Второй развернулся к ней.

Лира была довольна, что он не стал спорить. Она почувствовала себя чуть более сильной и контролирующей ситуацию. Реплика Кассиопеи им поможет. Им нужно узнать, что случилось с Хэвеном и почему. А потом они смогут решить, что делать дальше.

Джейк и Джемма привели их к лодке, которую они называли «каяк». Лира никогда прежде не видела каяков, и ей не очень-то хотелось туда залезать, но выбора не было. Джемме с Джейком предстояло идти пешком, но в болотах имелись и глубокие лощины, заполненные приливной водой, через которые сейчас можно было бы пробраться только вплавь. Ни Семьдесят Второго, ни Лиру не учили даже держаться на воде, и Лира едва не поинтересовалась у него: а как он собирался выжить, когда задумал улизнуть из Хэвена? Когда Лира была маленькой, она иногда мечтала о побеге. Она думала, как поедет на катере с кем-нибудь из сотрудников института и как потом ее будут наряжать, обнимать и баюкать на коленях. Но позже она сообразила, что надо спрятать эту потребность поглубже. Иначе можно свихнуться, как множество других реплик, которые предпочли умереть, когда пытались уплыть на баржах с мусором, – они погибали, надышавшись газов в моторном отсеке.

И у нее снова мелькнула мысль: а в своем ли уме Семьдесят Второй?

Находиться в каяке было все равно что находиться на чрезвычайно шаткой и узкой каталке. Сиденье оказалось мокрым. Когда Семьдесят Второй столкнул каяк на мелководье и забрался туда самостоятельно, отказавшись от помощи Джейка, Лиру замутило. Она не сомневалась в том, что утонет. Лира вслушивалась в плеск воды за бортом, и ей было не по себе.

Что, если ее утянет в болото?...

Она оцепенела и боялась даже вздохнуть.

Но каким-то чудом каяк остался на плаву, а Семьдесят Второй быстро приноровился грести. Когда он двигался, на его руках бугрились мускулы, и Лира внезапно обнаружила, что ей нравится на него смотреть. Она немного расслабилась, несмотря на то, что продвига-

лись они мучительно медленно и в отдалении то и дело проносились катера, а в каяк почти каждую минуту заплескивалась вода.

А ей следовало трястись от ужаса. Лира мало знала про чувства, но понимала, что Джемма боится, как и Джейк, и даже Семьдесят Второй. Но теперь по неведомой причине на краткий срок ее страх полностью улетучился. Она скользила навстречу новой жизни. Она никогда не думала, что изведает, каково это – пребывать на воде. Она и не предполагала, что за пределами Хэвена существует такая сложная жизнь. Мир, который виднелся через забор, казался чем-то вроде мыльных опер, которые Лира иногда смотрела по телевизору медсестер, – он был красивым, но по сути своей нереальным.

Однако свежесть ощущений вскоре приелась. Повсюду летали насекомые, над каяком роились тучи мошкеры. А сам каяк еле-еле двигался. Водоросли и заросли камышей делали некоторые участки непроходимыми, и тогда Лира и Семьдесят Второй разгребали их вручную, а то и отпихивали веслом. Несколько раз Джемма поскальзывалась и погружалась в воду с головой. Лире хотелось знать, сколько еще они сумеют пройти. Не придется ли ей оставить Джемму позади, как и Кассиопею, которая будет лежать в траве, пока ее останки не иссушит солнце?

На миг Лира ощутила непонятную печаль. Смерть – это столь же естественно, как и процесс разложения. Вот очередная истина, сближающая реплик и людей: и те и другие умирают.

В конце концов Джемма взмолилась о пощаде. Лира с облегчением восприняла перерыв и шанс выбраться из каяка, особенно теперь, когда солнце, палящее в зените, сделалось похоже на открытый глаз.

Они только-только успели вытащить каяк из воды, как Джейк закричал:

– Прячьтесь!

Далекое жужжание приближающегося вертолета мгновенно стало оглушительным. Оно вышибло воздух из легких Лир. Они нырнули в густые заросли мангровых деревьев. Вертолет с ревом пронесся над их головами. Земля задрожала. Ветер, поднятый гигантским винтом, пригнул болотную траву до земли. Выглядывая из-за ветвей, Лира заметила солдата, который высунулся из открытой дверцы и указывал куда-то в сторону горизонта.

Когда вертолет улетел, они бросили каяк и оставшуюся часть пути проделали пешком. Почва оказалась мягкой и сырой, и им приходилось переходить вброд грязные приливные озера, усеянные обломками ракушек. Растительность здесь была иной: деревья стали очень высокими и малознакомыми для Лир. Она думала, что они уходят в неисследованную глушь, и была потрясена, когда Джемма вскрикнула, а за деревьями обнаружилась полянка с ржавыми металлическими мусорными баками и какими-то табличками.

Но Лира слишком устала, чтобы пытаться прочитать надписи.

– Слава богу! – воскликнула Джемма.

Лира смотрела, как Джейк направляется к запыленному автомобилю и закидывает в багажник рюкзак, и ей опять стало страшно. Она знала про машины, потому что видела их по телевизору, да и Ленивая Корма вечно жаловалась на свою «тачку», ругая ту на чем свет стоит. Лиру совершенно не тянуло к таким поездкам. Эти средства передвижения – во всяком случае, если верить Ленивой Корме, – часто ломаются. А еще у них всегда подтекает масло, поэтому водители возятся с ними день и ночь.

Но выбора у них опять-таки не было. Что ж, по крайней мере, автомобиль был поустойчивее каяка. Но когда Джейк вывел машину с парковки и колесные шины зашуршали по дороге, Лира зажмурилась. Она испугалась, что ее вырвет, и пыталась справиться с приступом тошноты. Правда, с закрытыми глазами ей стало еще хуже. Вдобавок машина оказалась громче, чем Лира предполагала. Стекла дребезжали, мотор завывал, как дикий зверь, а радио изрыгало громогласный рев. В итоге Лира решила, что у нее сейчас лопнет голова.

Когда автомобиль набрал скорость, мир за окном сделался совсем размытым, и Лира решила, что ей лучше опять закрыть глаза.

Чтобы успокоиться, она стала мысленно повторять алфавит, а затем принялась считать от одного до ста. Она составила список известных ей созвездий, но испытала душевную боль. Перед ее внутренним взором возникло лицо Кассиопеи, и еще вспомнилась тяга Большой Медведицы к накоплению всякого мусора – старых ложек, бумажных стаканчиков, пакетов из-под крекеров или из-под горчицы. Увидит ли она хоть когда-нибудь еще кого-то из реплик?

– Эй, ты как? Все в порядке, мы уже остановились.

Лира приоткрыла глаза и поняла, что Джемма не врет. Место, где они очутились, смахивало на огромный загрузочный док, только вместо лодок его переполняли десятки автомобилей.

Лира догадалась, где они находятся. Слово «парковка» иногда произносили медсестры, хотя Лира имела смутное представление об этом месте.

Она посмотрела на скопище автомобилей. Неужели у каждой машины есть хозяин? В отдалении высилось здание, которое втрое превышало Коробку. У-О-Л-М-А-Р-Т, – прочитала Лира надпись на фасаде и размяла ноющие пальцы. Оказывается, она сидела, вцепившись в спинку сиденья.

– Ребята, побудьте в салоне, ладно? – попросила Джемма. – Просто посидите спокойно. Мы купим еду, одежду и кое-что еще, – пояснила она. – Вы знаете свой размер обуви?

Лира покачала головой. В Хэвене им выдавали сандалии или слиперы. Порой они оказывались слишком велики, а иногда – чересчур малы, но Лира предпочитала ходить босиком, так что это было неважно.

– Ладно. – Джемма вздохнула. – Кстати, как вас зовут? Я что-то подзабыла...

– Я – Лира, – рассеянно ответила Лира. – А он – Семьдесят Второй.

Джейк, выйдя из машины, разговаривал с кем-то по мобильнику. Кому он звонит? Он то и дело оглядывался на автомобиль. Может, проверял, на месте ли Лира и Семьдесят Второй? А вдруг Семьдесят Второй прав, и Джейку с Джеммой нельзя доверять?

– Семьдесят Второй? – переспросила Джемма. – Но это же цифры!..

– Это мой номер, – коротко ответил Семьдесят Второй.

Джейк тем временем закончил говорить по телефону и подошел к ветровому стеклу.

– А у меня номер Двадцать Четыре, – попыталась объяснить Лира. – Но одна из врачей назвала меня Лира. – Семьдесят Второй скривился, но Лира решила, что он ей просто завидует.

– Ух ты! – произнес Джейк. – А я-то еще считал, что мой отец плохо выбирал имя. Извините, – тотчас добавил он. – Дурацкая шутка. Побудьте в машине, хорошо? Мы через десять минут вернемся.

Некоторое время Семьдесят Второй и Лира сидели молча. Лира сообразила, как открыть окно, но снаружи оказалось безумно жарко, и облегчения они не почувствовали. Про такую погоду медсестра Даже-и-не-думай говорила «вязко, как в патоке». Лира смотрела, как Джейк и Джемма постепенно уменьшались в размерах, удаляясь, а потом исчезли в здании У-О-Л-М-А-Р-Т.

Лира ощутила тревогу: ее продолжало волновать, куда они попали и что с ними будет. Да еще эта Джемма...

Так что она решила нарушить тишину.

– Кажется, она не знает, что она реплика.

Семьдесят Второй пялился в окно. Он сидел, сунув руки под мышки и нахохлившись, будто он мерзнет – но это было невозможно.

– Что? – спросил он, оторвавшись от окна.

– Девушка, которую зовут Джемма... она – реплика. Но, я думаю, она об этом не знает. Мысль, наконец, оформилась, а вместе с ней выкристаллизовалось и предположение о возможностях и о жизни, которая текла за пределами Хэвена.

Сначала Лира боялась озвучить вслух свою догадку, но не удержалась.

– Ну возможно, Джемма родилась в особом месте – и там вообще неважно, кем ты являешься, человеком или репликой... У них есть семьи, они водят машины, пьют газировку и всякое такое.

Конечно, ее слова прозвучали глупо. И что он ей сейчас ответит?

Лира увидела свое отражение в глазах Семьдесят Второго. У радужки был оттенок кленового сиропа, который подавали в Кастрюле по особым случаям – например, на Рождество или в годовщину смерти первого Бога.

– Значит, это твое желание? – пронизательно спросил Семьдесят Второй. – Ты хочешь семью?

– Я... – Лира умолкла и отвернулась. Ее смущал пристальный взгляд Семьдесят Второго. Ей начинало казаться, будто она опять угодила в Коробку на медосмотр и ей проверяют зрение и рефлексy.

Безымянный образ матери сливался в сознании Лирy с обликом медсестер и другого персонала Хэвена. Мать – кормит и одевает тебя. Она беспокоится о тебе, когда ты болеешь. Лире невольно вспомнилась доктор О’Доннел. Лира представила, как сидит на белой кровати, закутавшись в одеяло, а доктор О’Доннел читает ей «Маленького принца». Она даже ощутила запах, сопровождающий доктора О’Доннел, и почувствовала прикосновение пальцев к своей макушке. «Спокойной ночи, Лира».

А еще были сны – там появлялась суррогатная, которая обнимала и укачивала ее... и еще была чашка со львами на ободке. Когда Лира была младше, она частенько прочесывала столовую в поисках прекрасной чашки, но так ее и не обнаружила. Позже пришлось признать, что в Кастрюле были простые, пластиковые стаканы без рисунков.

Теперь-то Лира понимала, что ее сны – всего лишь яркие, но пустые грезy.

И ей стало стыдно признаваться Семьдесят Второму в том, что она могла бы отыскать доктора О’Доннел. Ведь доктор О’Доннел могла бы стать ее матерью...

– Ну а ты?... – резко спросила Лира, уставившись на Семьдесят Второго. – Ты сбежал, но не смог уйти далеко?

– Не смог, – согласился Семьдесят Второй. – Не сумел придумать, как пробраться мимо охранников.

– Ты, наверное, надеялся, что случится нечто вроде пожара, – буркнула Лира, и в сознании ее мелькнуло подозрение: а вдруг Семьдесят Второй виновен в бедствии? Нет. Что за нелепость! Они были вместе, когда произошел взрыв. Они почти прикасались друг к другу.

Семьдесят Второй нахмурился, как будто прочел ее мысли.

– Я ни на что не надеялся, – произнес он. – Я ждал подходящего случая.

– Но у тебя же должен был иметься какой-нибудь план, – не унималась Лира. – Ты должен был понимать, куда пойдешь, когда выберешься за забор.

– Не было у меня ничего. – Семьдесят Второй откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Теперь он опять стал выглядеть гораздо моложе, чем еще секунду назад. Хотя нет – он выглядел не младше. Он казался более открытым. Обнаженным. Лира вспомнила, как однажды они с Большой Медведицей и Кассиопеей шпионили со двора за спальней самцов. Они увидели через полузадернутые шторы неясный, костлявый силуэт какого-то самца и потрясенно попяtilись, когда он крутанулся в их сторону. Сейчас, глядя на Семьдесят Второго, Лира испытала то же самое чувство, как и тогда, – возбуждение, смешанное со страхом.

Когда он открыл глаза, у Лирy словно груз с плеч свалился.

– Значит, тебе интересно узнать, чего я хочу?... Слушай, давай я тебе скажу, чего я не хочу. Я не желаю, чтобы мне всю оставшуюся жизнь говорили, что делать... когда надо есть, когда спать или идти мыться. Надоело притворяться лабораторной крысой.

– В каком смысле – лабораторной крысой?

В машине было так душно, что Лире стало трудно думать. Ее пару раз по разным причинам отправляли в крыло В, и она успевала посмотреть на молочно-белых крыс в клетках. Она тянули из-за решетки лапки с розовыми длинными пальчиками, до странности похожими на человеческие. Некоторые из грызунов страдали на определенных стадиях эксперимента. Они распухали от боли и покрывались десятками опухолевых наростов, таких тяжелых, что никто из подопытных животных не мог поднять голову.

– Я наблюдал, – просто сказал Семьдесят Второй. – Я обращал внимание. – Он вздохнул. – В детстве я не понимал разницы. Я думал, что я такое двуногое животное. Да я в этом практически не сомневался.

В памяти Лире всплыло неприятное воспоминание: как Тридцать Пятая бегала на четвереньках и требовала, чтобы еду ей клали в миску на полу. Но она была слаба рассудком. Так утверждали медсестры.

– Разве тебя не волнует случившееся? – встрепелась Лира. – Что мы будем делать без лекарств, без медосмотров? Кто нас спасет, если мы заболеем? Мы не созданы для жизни во внешнем мире.

Но она вновь вспомнила про доктора О’Доннел. Доктор О’Доннел знает физиологию реплик. Она – врач, и она работала в Хэвене.

Вот кто выручит их.

– Ты действительно веришь, – утвердительно произнес Семьдесят Второй и посмотрел на Лире в упор. – Ты веришь во все, что они тебе внушали.

– Ты о чем? – удивилась Лира, прикладывая руку к вспотевшему лбу.

Ее лицо горело. Семьдесят Второй таращился на нее, как иногда на нее смотрели некоторые медсестры – как будто она не вполне реальна.

Вероятно, ему сейчас приходится прилагать усилия, чтобы хорошенько ее разглядеть.

Но прежде чем он успел ответить, вернулся Джейк и сел за руль.

– Извините! – воскликнул он. – Забыл включить кондиционер. Вы здесь еще не спеклись? С ума сойти, до чего сегодня жарко, да?

Семьдесят Второй не отводил взгляда от Лире. Наконец, он отодвинулся от нее и опять уставился в окно.

– Да, – кивнул он, отвечая на вопрос Джейка. Впервые он заговорил с кем-то из людей напрямую иначе, чем в ярости. Лира заметила, как Джейк вздрогнул: похоже, он не ожидал ответа от Семьдесят Второго.

– Жарко, – добавил тот.

Глава 10

Ли́ра никогда не видела такого количества домов и даже не представляла себе, что на свете существует столько людей. Она знала лишь общие сведения. Она слышала, как врачи иногда обсуждали проблемы перенаселенности, разделение на богатых и бедных. Да и медсестры любили смотреть телевизор, слушать радио и глазеть в свои телефоны, когда им было скучно. Но знать – это одно, а увидеть – совсем другое.

Вереницы одинаковых домов за окнами автомобиля никак не кончались. Бесконечные ряды машин вдоль улиц сменяли зеленые газоны. И повсюду были люди.

Они сидели в автомобилях, или стояли возле своих лужаек, или чего-то ждали, собравшись группами на углу, а почему – Ли́ра не понимала.

Джейк притормозил у одного из таких строений, и Джемма вышла из машины. Ли́ра видела, как с крыльца спустилась черноволосая девушка и кинулась Джемме в объятия. Ли́ра почувствовала себя сбитой с толку. Что происходит?... Сперва ее обескуражили отношения Джеммы и Джейка, их небрежная манера общаться, а теперь еще и это! Почему они себя так ведут?... Вдобавок тот факт, что Джемма являлась репликой, но не знала о своем происхождении, тоже ставил Ли́ру в тупик.

В конце концов, Ли́ра мысленно отмахнулась от назойливых мыслей – у нее уже не было сил нервничать или о чем-то беспокоиться.

Несколько минут Джемма разговаривала с другой девушкой. Ли́ра пыталась понять, кто такая эта черноволосая – реплика или обычный человек, но определить так и не смогла. Зато она быстро догадалась, что незнакомка одета в вещи естественнорожденных и может похвастаться длинными волосами. Она энергично жестикулировала. Потом она поднялась на крыльцо, распахнула дверь и исчезла за порогом, а Джемма вернулась к машине.

– Сейчас Эйприл откроет ворота, – сообщила она Джейку. Джемма почему-то тяжело дышала, как будто запыхалась. – Можно припарковаться рядом с гостевым домиком.

Джейк кое-как провел машину по узкой подъездной дорожке. Ли́ра увидела блестящий прямоугольник, заполненный прозрачной водой. Наверное, это и есть бассейн, сообразила Ли́ра. Хотя Ли́ра и не умела плавать, ей сразу же захотелось окунуться, смыть с себя ощущение долгих дней, грязи и пота. Ей казалось, что они сбежали из Хэвена давным-давно.

В послеродовом отделении имелись ванны. Репликам не разрешали купаться, но Ли́ра иногда включала горячую воду и сидела на краю ванны, опустив туда ноги, в ожидании, когда наступит ее очередь щекотать, обнимать и производить физический контакт с новыми особями.

Ворота закрылись за машиной с протяжным звоном, и Ли́ра почувствовала себя в безопасности впервые с того момента, как покинула Хэвен.

Она помещена в пределы другой территории. Она находится под контролем и под защитой.

Рядом с бассейном Ли́ра увидела точную копию главного дома, только поменьше в размерах. Раздвижная дверь вела в просторную комнату с мягким ковром. Здесь царили полумрак и восхитительная прохлада. Мебель и стены оказались белыми или кремовыми, и Ли́ра совсем успокоилась. Обстановка напомнила ей Хэвен. По рукам Ли́ры пробежали мурашки, словно к ней кто-то прикоснулся. Там, где ковер заканчивался, начиналась кухня. Ли́ра опознала ее только по плите. Она ничем не походила на кухонную зону в Кастрюле, обширное, сверкающее пространство, заполненное шипением пара в промышленных посудомойках. Через другую открытую дверь Ли́ра заметила кровать, тоже с белыми простынями, одеялами и – что удивительно – с целой горой подушек. Ли́ра не понимала, зачем столько может потребоваться. А рядом с диваном выстроились стеллажи, заполненные книгами. Их было,

наверное, в четыре раза больше, чем в комнате отдыха медсестер, – так много, что от волнения заголовки слились воедино, и Лира не сумела прочесть ни одного.

Ей хотелось прикоснуться к переплетам. Их корешки выглядели как разноцветные леденцы, которыми порой обменивались медсестры, как подслащенные пастилки, которые репликам иногда давали при кашле. Но Лира почувствовала испуг. Вдруг если она потрогает книги, то страницы разлетятся в разные стороны? Интересно, сколько времени ей понадобится бы, чтобы прочесть их все? Месяцы. А может, и годы.

Неужели им позволят остаться здесь, в этой чистой и прекрасной комнате, с солнечными зайчиками на ковре и тихим гудением кондиционера?

В У-О-Л-М-А-Р-Т Джемма купила Лире и Семьдесят Второму новую одежду – «Ничего особенного, и я не уверена, подойдет ли», – а еще мыло, шампунь, зубные щетки и пасту!.. И еду, включая растворимые каши, молоко, зерновые батончики, банки с супом (Джемма заявила, что она обязательно покажет им, как разогревать их в микроволновке) и в довершение всего – не меньше дюжины замороженных блюд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.